

AMORE

ЖАСМИНОВЫЕ НОЧИ

ДЖУЛИЯ ГРЕГСОН

«Невероятно трогательная история о девушке, которая ради осуществления своей мечты не побоялась пойти против законов Востока».

US PUBLISHERS
WEEKLY

«Жасминовые ночи» — это увлекательная история об опасностях и тайнах, наполненная красками и звуками самых красивых городов Ближнего Востока».

CLEVELAND
PLAIN DEALER

«Потрясающий роман о любви певицы и летчика».

ROMANCE
REVIEWS TODAY

Джулия Грегсон Жасминовые ночи

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11788199
Грегсон, Джулия. Жасминовые ночи: Издательство «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78891-0*

Аннотация

Ах, какие красивые ночи в Каире! Ночное небо усыпано золотыми звездами, тонкий аромат жасмина, словно дурман, наполняет улицы, а где-то вдалеке едва слышно, как красавица Саба напевает мотив арабской песни своему возлюбленному. Только Саба знает, что эта ночь может стать для нее последней... Ведь именно ей, солистке военного оркестра, предстоит выполнить задание, которое повлияет на исход Второй мировой войны. Вот только хватит ли смелости, чтобы пойти на огромный риск?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	49
Глава 8	57
Глава 9	65
Глава 10	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Джулия Грегсон Жасминовые ночи

Julia Gregson

Jasmine Nights

© Julia Gregson 2012. This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd, and The Van Lear Agency LLC

© Гилярова И., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2015

Глава 1

Госпиталь Королевы Виктории Ист-Гринстед 1942 год

Это была всего лишь песня... Так он подумал, когда певица надела шляпку и ушла, оставив после себя легкий запах свежих яблок. Ничего больше, только песня и смазливая девчонка...

Впрочем, благодаря той девчонке он перестал видеть неприятные сны, терзавшие его так долго. И это самое хорошее, что случилось с ним за последнее время.

В первом сне он прыгал с парашютом где-то в Суффолке. До земли оставалось три с половиной мили¹. Он вцепился в стропы парашюта и орал, бился в панике, потому что понимал, что не сумеет благополучно приземлиться. Он несся к земле, легкий, невесомый, как пух одуванчика или мертвый мотылек. Вот уже видна ярко-зеленая трава, такая мягкая и манящая, все ближе и ближе... Иногда в этом сне появлялась незнакомая женщина; она смотрела на его падение, разинув рот, или махала рукой, а потом ее уносил порыв ветра.

В другом сне он снова летел в своем «Спитфайре»². Рядом с Джеко. Поначалу холодный, чистый воздух, пронизанный солнечными лучами, казался ему приятным, но вскоре, в минуту ужасной, до тошноты, паники, веки смыкались, словно их сшили нитками, и он переставал что-либо видеть.

Он никому не рассказывал про свои сны. Все считали его счастливым – еще бы, он вот-вот поедет домой, после четырех месяцев, проведенных здесь, среди темных коридоров и непрерывных стонов. Многим было хуже, чем ему. Каждый день санитарные машины привозили все новых и новых покалеченных, обгоревших летчиков, подобранных на восточном побережье.

Их палата размещалась отдельно от основного здания госпиталя, в длинном и узком строении. В центре палаты стояли пузатая печка, стол и пианино с двумя медными подсвечниками. Вдоль стен – двадцать коек.

В палате витал запах несвежей одежды, немытых мужских тел, едкой мочи, смерти – стариковский запах, хотя почти всем раненым летчикам было чуть больше двадцати лет. В дальнем конце палаты лежал Стоуртон, пилот из Норт-Уилда, летавший на «Харрикейне»³. Он ослеп пару недель назад. Его девушка приходила к нему каждый день и помогала осваивать азбуку Брайля. Соседом Доминика (или попросту Дома, как его называли приятели) был краснолицый Сквик Таунсенд, пилот истребителя, хохотавший по любому поводу и без него. У него не раскрылся парашют, и Сквик при неудачном приземлении сломал позвоночник. Несколько дней назад он признался Дому, что теперь и близко не подойдет к самолету.

Да, Доминик понимал, что ему повезло. Он летел на «Спитфайре» над пестрым лоскутным одеялом полей на высоте 20 тысяч футов⁴, когда взорвались топливные баки. В считанные мгновения его кокпит превратился в пылающий факел. Дому обожгло лицо и руки – по словам хирурга, типичные травмы летчиков-истребителей. Но он все-таки сумел открыть фонарь кабины, нащупал ярко-зеленое кольцо, раскрывшее парашют, целую вечность бол-

¹ Приблизительно 4,8 км.

² «Супермарин Спитфайр» – один из лучших британских истребителей времен Второй мировой войны.

³ «Хоукер Харрикейн» – британский одноместный истребитель времен Второй мировой войны, разработанный фирмой Hawker Aircraft Ltd. в 1934 году.

⁴ Приблизительно 6 км.

тался в воздухе и в конце концов с криками и проклятиями упал на стог сена, сложенный трудолюбивым суффолкским фермером.

На прошлой неделе доктор Килвертон, новый пластический хирург, ездивший по госпиталям, осмотрел обожженную правую половину лица Дома.

– Превосходно. – Налитый кровью глаз Килвертона смотрел в микроскоп на то место, где на ожог была наложена заплата из кожи, срезанной с ягодицы Дома. – Через шесть-семь недель все полностью приживется, и ты будешь здоров. Хорошая у тебя кожа, – похвалил он. – Ты сам из Средиземноморья?

– Моя мать оттуда, – процедил Дом сквозь сжатые зубы. Килвертон в это время сдирал с его щеки старую кожу. – Она француженка.

– А отец?

«Хоть бы он заткнулся, этот лекарь, – подумал Дом. – Боль легче переносить без этой светской болтовни».

– Он англичанин.

– А где ты летать учился? Наклони, пожалуйста, голову. Вот так. – Перед глазами Дома маячил вздернутый нос доктора.

– В Кембридже, при университете. В авиационном отряде.

– А-а. Мой отец когда-то тоже там летал. Ему очень нравилось.

– Угу.

Потом Килвертон что-то говорил о мышечном тонусе и о том, что на стороне его пациента молодость. Он снова повторил, что Дому здорово повезло.

– К тебе скоро вернется прежнее лицо и прежняя улыбка, – пообещал он, словно улыбку тоже можно было пришить на лицо, как новую кожу.

Слушая его, Дом вновь испытывал кошмарное ощущение, будто он плавно парит над своим телом, видит внизу приветливые лица, но не в силах подлететь к ним ближе. После травмы внутри его поселилась новая личность, собранная из осколков прежней. Она курила, ела, шутила и даже отпускала циничные остроты, но ощущала себя мертвой. На прошлой неделе доктора уговорили его прокатиться на мотоцикле. Было воскресенье. Он сидел на лужайке возле бара «Маки Дак», глядел на свою руку, державшую пивную кружку, и она казалась ему чужой.

В первые недели, оставшиеся в его памяти как череда капельниц, кислотных ванн и перемещений на каталке, его единственной целью было не опозориться, не проявить свою слабость, не разреваться. Еще в санитарном автомобиле, увозившем его от тлевого стога сена, он, полностью ослепший, ухитрялся заигрывать с сестрой милосердия, интересовался, красивая ли она.

Позже, в госпитале, он заключил сам с собой сделку: он не станет отрицать физическую боль, которая была постоянной, жгучей и временами такой сильной, что даже удивительно, как такое возможно. Но на людях он ее не показывал. Если кто-то интересовался его самочувствием, он отвечал: «Все нормально».

По ночам, в относительном покое, выныривая из морфийного дурмана, он размышлял о природе боли. Зачем все это? Как справляться с этим? Почему его спасли, а других нет?

Спустя месяцы, когда его руки более-менее зажили, он начал делать записи в своем дневнике, который прислала ему мать. Про Джеко и Коубриджа, погибших в тот день. Написал, но так и не отослал письмо Джил, невесте Джеко. Писал письма своим родителям, предупреждая их, что опять будет летать, как только поправится.

И вдруг вот эта девчонка.

Когда в тот вечер она вошла в палату, больше всего его поразил ее юный вид и одухотворенный, полный надежды взгляд. Лежа на своей койке, Дом жадно пожирал глазами все мелочи в ее внешности.

На ней было приталенное красное платье в белый горошек и черная шляпка с нелепой старомодной вуалью; она выглядела словно пятилетняя девчушка, добравшаяся до нарядов матери. На взгляд Дома, ей было года двадцать два, не больше.

Под шляпкой он разглядел прядь блестящих черных волос. Еще ему сразу понравились ее полные губы и большие карие глаза.

Она остановилась возле пианино и тележки с полками, где хранились ножницы и перевязочный материал. То ли ангел, то ли чертенок. С ее лица не сходила радостная улыбка, словно наконец-то сбылась ее давняя мечта. «Что ж, высокий класс, держит себя профессионально», – подумал Дом, пытаясь сохранить здоровый цинизм.

С сильным акцентом – валлийским, итальянским? – она сообщила, что ее зовут Саба Таркан, что она приехала вместо певицы Дженис Софи и надеется не разочаровать слушателей. При этом она посмотрела в сторону Дома – или ему показалось? – словно подтверждая свои слова.

Толстый человечек в хаки, ее аккомпаниатор, тяжело сел за пианино и заиграл. Она слушала его, чуть покачиваясь, потом на ее лицо снизошел покой, и она запела про лиловые ночи, мерцающие звезды и про девушку, шепчущую имя возлюбленного.

Дом изо всех сил старался не подпускать ее к себе, отгородиться, но песня все равно плыла к нему из темноты. Голос девушки звучал так задушевно и печально, а сам он так давно не испытывал влечения к женщинам, что его захлестнула волна облегчения. «Сквозь туман памяти ты возвращаешься ко мне»⁵. Ведь теперь он столько всего скрывал: свой страх остаться с обезображенным лицом, свой стыд из-за того, что его друзья погибли, а он жив. Потом его разобрал смех, ведь «Темно-фиолетовые сумерки»⁶, пожалуй, не самый подходящий выбор для их палаты. Многие парни покраснели от смущения: генциановым фиолетовым антисептиком врачи мазали ожоговых пациентов, после того как те принимали ванну с дубильной кислотой.

На середине песни певица смутилась, словно осознав свою ошибку, но допела до конца и потом не стала извиняться. Дом мысленно одобрил ее – меньше всего им требовались сочувствие и особые песни, щадящие их чувства.

Когда она замолкла, он заметил бисеринки пота на ее верхней губе и влажные пятна под мышками. В их палате было всегда очень жарко.

Потом она спела «Мне хочется любить»⁷. Кертис, паршивец, крикнул ей:

– Глянь в мою сторону, детка! Не пожалеешь!

Дом нахмурился и мысленно повторил *Саба Таркан*, чтобы запомнить ее имя.

– Еще две песни – и хватит. Пора спать, – сказала сестра милосердия Моррисон, рослая толстуха, и постучала ногтем по циферблату своих наручных часов.

Дом с облегчением перевел дух – слишком много впечатлений. Все равно что ты голодал целый год, а потом съел обед из десяти блюд.

Но Саба Таркан не послушала сиделку, сняла шляпку и положила ее на пианино, словно давая понять: «Я останусь, пока не закончу свою программу». Дом опять одобрил ее. А она откинула прядь волос с разгоряченной щеки, что-то быстро сказала пианисту и унесла Дома на край самообладания, когда запела «Они мне не верили»⁸. Аннабел любила эту песню и, когда они гуляли, держась за руки, тихо напевала ее. В те дни он не сомневался, что у него есть все необходимое для счастья: упоительные полеты в небе, Кембридж, любимая

⁵ «Through the mist of a memory you wander back to me» — популярная строка из песни «Deep Purple».

⁶ Песня «Deep Purple», автор – пианист Питер ДеРоса.

⁷ Песня «I'm in the Mood for Love», автор Брайан Ферри.

⁸ Песня «They Didn't Believe Me», автор Фрэнк Синатра.

девушка... Да и другие девушки тоже... Когда по его фиолетовой щеке поползли слезы, он отвернулся, злой и сердитый.

Высокая, белокожая Аннабел, эфирное создание с длинными светлыми волосами и милой улыбкой, знала себе цену. У нее были и соответствующие родители: отец – судья в Высшем суде, мать – преподаватель в университете. Поначалу Аннабел, как подобает христианке, исправно навещала его в душевной, вонючей палате, с влажным от испарины лбом читала ему вслух умные книги, нервно косясь на других ожоговых раненых.

– Я больше так не могу. Оказывается, я недостаточно сильная, – сказала она через две недели и жалобно всхлипнула. – Да и тебя я не узнаю. Это не ты. И мне тут страшно. – Она посмотрела на раненого парня с соседней койки. Половина его лица и шеи, до самой груди, напоминали грубую поверхность слоновьего хобота.

– Прости. Мне ужасно жалко, – нежно прошептала она, уходя, и ее круглые голубые глаза наполнились слезами. – Давай останемся друзьями.

Она была не первой девушкой, опрометью сбежавшей из этой страшной ожоговой палаты, и не последней. «Поразительно, как легко может выжать слезу дешевая музыка». Что-то в этом роде, циничное и шутовское, он мог сказать когда-то, оправдывая свои эмоции. Недаром в Кембридже пользовалась популярностью его имитация скетчей Нозла Кауарда⁹. Но сейчас дело было не только в бросившей его возлюбленной. Он потерял все, даже всякие дурацкие мелочи, – пожалуй, это и было большее всего.

Сверстники из его круга целыми днями валялись на диване с сигаретой и дешевым шерри, элегантно скучали и дико восторгались Чарли Паркером¹⁰, или Эзрой Паундом¹¹, или Элиотом¹² – в зависимости от того, что их забавляло. Какими наивными юнцами казались они теперь, спустя какой-то год... Первые головокружительные дни вдали от дома, не иссякавший поток хорошеньких студенток в их комнатах в кампусе – только выбирай... Он пытался быть великодушным к Аннабел и заявил после ее слезного признания, что он все прекрасно понимает, ничуть не осуждает ее. Говоря по правде, он всегда испытывал ощущение вины перед ней, потому что не любил ее так же сильно, как она его, и, как говорится, она была для него не «та самая, единственная». Вокруг было много других, не менее привлекательных девчонок.

Напротив него в отделении жил Сметрен; его комната была знаменита царившим в ней хаосом. Он погиб два месяца назад. Клэнси, его лучший друг, тоже фанат авиации и умнейший парень, был сбит над Францией за месяц до своего дня рождения. Ну и, конечно, Джеко... За год все переменялось. Тот парень, каким Дом был прежде, никогда не смог бы даже представить себе ничего подобного – что он будет лежать на койке в пижаме в 8:30 вечера и отчаянно сдерживать слезы, чтобы не опозориться перед красивой девчонкой. И ведь без какого-то особенного повода, только из-за глупой песенки. Дом больно прикусил губу: из-за пары простеньких аккордов, да еще умело подобранных слов. Из-за нехитрой песенки.

Звяканье склянок, перестук колес тележки. Сестры развезли лекарства, которые нужно принять на ночь. Они погасили верхний свет и разожгли бойлер в середине палаты.

Пианист уже убрал ноты, а на голове девушки снова была смешная шляпка с вуалью.

⁹ Сэр Нозл Пирс Кауард (1899–1973) – английский драматург, актер, композитор и режиссер.

¹⁰ Чарли Паркер (1920–1955) – американский джазовый саксофонист и композитор, один из основателей стиля бибоп. Один из самых влиятельных музыкантов в истории джаза, чей талант ставит его в один ряд с такими мастерами, как Луи Армстронг и Дюк Эллингтон.

¹¹ Эзра Уэстон Лумис Паунд (1885–1972) – американский поэт, один из основоположников англоязычной модернистской литературы.

¹² Томас Стернз Элиот (1888–1965) – американско-английский поэт, драматург и литературный критик.

– Последнюю, – сказала певица и запела без музыки, сильным и чистым голосом, серьезно и старательно, «Туман застилает твои глаза»¹³.

Потом она обошла раненых, желая всем доброй ночи.

Пожелала доброй ночи Уильямсу, у которого обе ноги были на растяжке, и слепому бедняге Билли в конце палаты, и Фартингейлу, который пойдет завтра в театр, а потом ему опять зашьют веки. Казалось, ее вовсе не пугали их раны. Но, может, она просто была специально натренирована?

Когда она подошла к Дому, проклятый идиот Кертис крикнул:

– Давай, красотка! Поцелуй его на ночь!

Дом отвернулся, но девушка нагнулась к нему, так близко, что он почувствовал щеко-танье ее волос, увидел нежную кожу в вырезе красно-белого платья. От нее пахло свежестью, молодостью, а еще яблоками.

Она поцеловала его в щеку, и он буркнул, пытаясь защититься от ее обаяния:

– Если бы ты знала, откуда взята эта кожа, ты бы не стала ее целовать.

Она снова наклонилась и прошептала ему на ухо:

– Откуда ты знаешь, глупый?

После ее ухода он долго не мог заснуть и все думал о ней. Его сердце сжималось от восторга. Он представлял, как мчится летним днем на мотоцикле, а она сидит за его спиной. Как потом они вместе сидят возле таверны, смеются и подшучивают друг над другом. На ней голубое платье, и над их головой самое обычное небо, а не то страшное, с которого он падал с отчаянным криком в горящем «Спитфайре».

¹³ «*Smoke Gets in Your Eyes*», автор музыки – Джером Керн, текст песни Отто Харбака.

Глава 2

Сент-Брайвелс, Глостершир

«Дорогая Саба Таркан...» – первую попытку написать письмо, которое он иронично окрестил «письмом поклонника», он предпринял в Уилтшире, в военном санатории «Рок-филд-хаус». Оно получилось слишком сухим и фамильярным и угодило в корзину. Адрес он выведал у сестры милосердия, отвечавшей за культурную программу для раненых; она обещала передать письмо «в нужные руки».

«Дорогая Саба, мне хочется выразить свое восхищение тем, как замечательно ты пела в госпитале Королевы Виктории...» Ох, еще хуже! Будто его писал, глотнув портвейна, какой-нибудь престарелый поклонник примадонны, подстерегающий ее у служебного выхода. Проклятье! Черт побери! И этот листок оказался в корзине. Прежде чем писать ей, он ждал шесть недель, рассчитывая вернуться в более-менее приличную форму. Что ж, возможно, когда он больше не будет пациентом и приедет домой, восстановится его прежняя уверенность в себе. Тогда письмо сочинится само собой, безо всякого труда. Впрочем, с другой стороны, его и самого удивляли те чувства, которые он пытался выразить в письме; удивляли и злили – прежде их не вызывала ни одна девчонка. В его памяти даже всплыло стихотворение «Erat Noxa» – он выписал его из сборника Эзры Паунда, думая о ней.

«Благодарю тебя. А дальше – хоть потоп», —
сказав, ушла и словно растворилась.
Так солнце растворяется в листе,
бездумным золотом пространство осыпая.
А дальше – хоть потоп... но целый час
я в этом золоте ее горел и жил.
Богам на зависть, вечности в насмешку¹⁴.

Еще в госпитале он записал это стихотворение в дневник, точно зная, что никому и никогда его не покажет. Ведь, говоря по правде, поэзия наводит на мысль о мимолетности любви, да еще и вызывает у незнакомых людей подозрения. Нет-нет, ему просто хотелось снова услышать ее пение. Вот и все.

– Дом, милый, хочешь кофе? – донесся из кухни голос матери; когда она нервничала, ее французский акцент звучал сильнее.

Он взглянул на часы. Дьявол! Он рассчитывал закончить письмо до кофе.

– Ма, я в гостинной. Иди сюда, давай вместе выпьем кофе, – отозвался он, скрывая из всех сил свое разочарование, даже раздражение.

Мать ходила по дому на цыпочках, тонкая как соломинка; с ее лица не сходило выражение тревоги. Вот она принесла поднос, присела возле пианино на краешек крутящегося стула и налила кофе.

– Спасибо, Мису, – поблагодарил он, назвав ее как в детстве.

Мать выглядела элегантно даже в своем стареньком твидовом костюме.

– Все хорошо, не волнуйся, – заверил он. – У меня ничего не болит. Вот, потрогай. – Она нерешительно дотронулась до его щеки, а его захлестнула новая волна раздражения.

¹⁴ Стихотворение «Erat Noxa» из сборника Эзры Паунда (в пер. Ю. Качалкиной).

Она робко покачала головой, не зная, что ответить. Прежде она так гордилась сыном. Теперь же его травмы, казалось, принесли с собой ощущение некой стыдной семейной тайны.

Все долгие месяцы, проведенные в госпитале, он мечтал, что когда-нибудь окажется вот тут, на этом диване, в этом доме в Сент-Брайвелсе, крошечной деревушке на границе Уэльса и Глостершира. В поезде, который вез его из Чепстоу в Броксвейр, он был полон решимости порадовать мать после всех этих горестных месяцев. Пока что он не станет говорить ей ни о своем желании вернуться в авиацию, ни о погибших друзьях. Пускай она будет счастлива хоть несколько дней. Ну, может, через пару недель он сообщит ей за бокалом вина о предательстве Аннабел.

Со станции он ехал на такси. Река Уай сверкала под весенним солнцем, по ней плыла вереница лебедей, гордых и прекрасных. На другом берегу пасся табун валлийских пони, на крупе одного пристроился воробей.

Дом попросил таксиста остановиться, сказал, что хочет полюбоваться видом. А на самом деле ему стало трудно дышать. Уже привычное ощущение удушья настигло его внезапно, словно выпрыгнувший из темноты хищный зверь. Сердце бешено колотилось, ладони взмокли. Но все это пройдет. Он постучал сигаретой о пачку и сел на траву, стараясь справиться с дыханием и думать только о хорошем.

– Как тут красиво, – проговорил он наконец, когда приступ прошел.

– Подходящее утро для возвращения домой, сэр, – заметил таксист, твердо глядя перед собой. – Поехали дальше?

– Угу. Поехали.

Вот машина одолела крутой подъем. Справа в поле бродили черные валлийские коровы. Возле редких домов ярко пестрели крокусы и примулы. Скоро он увидит мать.

К ферме Вудли вела длинная грунтовая дорога с глубокими колеями. Вдали, подобно изнанке раковины, сверкал эстуарий реки Северн. А вот и сама ферма. На глаза Дома наввернулись непрошенные слезы. Прелестный беленый дом, где двадцать пять лет назад поселились родители, когда отец стал хирургом. Приземистый, ничем не примечательный, за исключением больших окон на южной стороне, он стоял особняком среди полей, открытый всем ветрам. За ним начинался небольшой перелесок, где Дом и его сестра Фрейя играли когда-то в ковбоев и индейцев. А вон там, на втором этаже, возле третьего окна справа, Дом появился на свет.

Шины такси захрустели по гравию. По сторонам дороги росли липы; их посадила мать, страстная садовница, в те дни, когда она скучала по родному Провансу и по своей семье. Дождевые капли сверкали на ветках; ярко-зеленую листву еще не припорошила летняя пыль. Все это казалось волшебным миражом. За последние месяцы он успел возненавидеть обкромсанную живую изгородь, окружавшую госпиталь. А тут зеленела молодая трава, на ней паслись ягнята. Вся земля сияла юной красотой.

Мать услышала рокот мотора и выбежала на дорогу. Она стояла под деревьями, прижав ладони к щекам.

– Мальчик мой, – повторяла она. – Поправился. Ты выглядишь как новенький.

Потом они, взявшись за руки, направились к дому. У их ног крутились собаки; старый пони, только что пасшийся на поле, шумно фыркал и бил копытом.

– Как ты жил там, в Рокфилде? – спросила мать. Она знала лишь то, что туда посылали ожоговых раненых, чтобы вытащить их в «реальную жизнь».

– На удивление весело, – ответил он и рассказал ей о симпатичном домике возле Челтнема, который предоставила для поправки раненых некая местная леди, о бочонках пива, хороших сестрах милосердия, нескончаемых вечеринках. Упомянул и про жалобы соседей, говоривших, что они ожидали приезда выздоравливающих героев войны, а не моло-

дых хулиганов. В ответ раздался вежливый и нервный смех матери. Он переборол искушение и не опустил голову, словно виноватый мальчишка. В то утро он уже успел пролететь на высоте десять тысяч футов над Бристольским заливом, над стадами овец, маленькими заплатками полей, школами, церковными шпилями – над спящим миром. И это было чертовски здорово. Малыш Дэниелсон, один из последних уцелевших друзей из отряда, хитростью вывел биплан «Тайгер Мот», стоявший в ангаре возле Глостера. Руки Дома дрожали, когда он впервые за много месяцев застегивал пряжку кожаного летного шлема. С бешено бьющимся сердцем он аккуратно прокатился по взлетной полосе, обрамленной с обеих сторон огнями, и испустил радостный вопль, когда взмыл в ясную и бездонную синеву.

Потрясающе! Замечательно! Чудесно! Он снова в небе! Снова в небе! В госпитале его пробивал пот ужаса при мысли о том, что ему снова предстояло вернуться к сидячей мирной работе. Да и перед полетом он волновался, что не сумеет управлять машиной, что его руки пока еще недостаточно сильные. Но никаких проблем не возникло: маленький биплан был под его руками таким же послушным, как парусная яхта. Воздух обжигал лицо, слева громоздило кучевое облако. Внезапно Дом почувствовал, как россыпь осколков сложилась в его душе в прежнюю цельную картину.

Услышав его радостный вопль, Малыш Дэниелсон тоже завопил от радости, а через несколько минут похлопал его по плечу:

– Давай, закругляйся, старик, пора – а то попадем под трибунал.

Потом они устроили шумный завтрак – тосты, фасоль, чай кирпичного цвета – вместе с Малышом и еще одним пилотом в новенькой форме, на которой еще виднелись фабричные замятины. Никто не суетился, не спрашивал его про госпиталь – эмоции всегда сводились тут до минимума – это было негласным правилом. Дурным тоном считалось и унылое расположение духа, а уж тем более разговоры на мрачные темы. И это тоже было нормально. Четверо из его друзей уже погибли, пятеро пропали без вести и, скорее всего, тоже расстались с жизнью, а один был захвачен немцами за линией фронта. Через пять месяцев (если он, конечно, доживет) ему стукнет двадцать три...

– Сейчас ты увидишь, у нас тут произошли кое-какие перемены. – Мать, сияющая от счастья, легконогая, почти танцевала. – Там, где росли розы, теперь мы посадили морковь и лук. Ну, ты ведь знаешь, сейчас всех призывают – «сажай для победы» и все такое... Ой, скоро я тебе все это покажу...

Она повела его прямо наверх, в его спальню, чтобы он оставил там чемодан. Кровать заманчиво манила к себе свежими простынями и пухлыми подушками. На ночном столике лежал пучок лаванды. Дом бросил взгляд на свои школьные фотографии; мать повесила их на стену в рамках. Вот он в Винчестере, в своей первой крикетной команде, на нем фланелевый костюм; а вот он стоит, расставив ноги, дурак дураком и с хитровой ухмылкой щурится в объектив. Рядом с ним сияющий Джеко. Джеко, которого он уговорил присоединиться к нему и мобилизоваться и которого дразнил за легкомысленность. В последний раз он видел его кричащим, в вихре огня, когда его самолет пронесся вниз по спирали и исчез в морской пучине.

Скоро ему придется поехать в Лондон и поговорить с Джилли, невестой Джеко. Он с ужасом думал о том, что этот момент когда-нибудь настанет, но понимал, что это необходимо сделать.

Мать коснулась его руки.

– Пойдем вниз, сынок. Свои вещи ты разберешь потом. Спешить некуда.

Проходя мимо отцовского кабинета, Дом ощутил ноздрями слабый запах формальдегида. На обтянутой кожей крышке письменного стола стоял все тот же ужасный пластмассовый желудок с присоединенным к нему кишечником. Когда-то Дом пугал им сестру: при-

таскивал макет к ее двери и подсвечивал его зеленым светом фонарика. На полках виднелись все те же медицинские книги, аккуратно расставленные в алфавитном порядке.

– Отец приедет домой поздно, – сообщила мать и слабо улыбнулась. – У него день и ночь идут операции.

– Что, лучше не стало? – невольно вырвалось у Дома. Вообще-то он намеревался спросить об этом потом, за бокалом вина.

– Нет. Не слишком, – тихо ответила мать. – Папа почти никогда не бывает дома – работает больше, чем когда-либо.

В зеркале, висевшем в холле возле входной двери, Дом взглянул на свое лицо. Оно было, в общем-то, прежним; снова отросли и его темные волосы.

Ты везучий малый.

И эгоист. Ведь мог хотя бы ответить на письмо Джилли.

Прежде всего ему повезло, что на нем в тот раз были защитные перчатки. Их полагалось надевать, но он часто пренебрегал этим правилом, чтобы лучше чувствовать пальцами джойстик. Повезло, что его быстро подобрала санитарная машина и что он не обуглился в своем кокпите, пристегнутый ремнями. Но главным везением стало то, что он попал на лечение к Килвертону. Коренастый и короткорукий Килвертон, похожий скорее на мясника, чем на врача, был гениальным пластическим хирургом.

Этому человеку Дом был обязан жизнью. Он попал к нему с обугленными руками и лицом, от которого пахло жареным мясом, – такие ожоги получили название «летных», даже появился такой медицинский термин. Решительный и лишенный сантиментов доктор положил пациента в соляной раствор, а потом в операционной скрупулезно перенес на обожженную половину лица крошечные кусочки кожи, взятые с ягодицы. Теперь у Дома заметна лишь полоска точек длиной в дюйм над левым ухом. Да и то их уже закрыли отросшие густые волосы.

На прошлой неделе Килвертон вызвал его в свой неряшливый кабинет и похвастался своей работой перед двумя родеющими молодыми докторами.

– Вот, взгляните на этого молодого человека. – Он включил на своем столе лампу «Anglepoise»¹⁵, чтобы было лучше видно. Толстые пальцы нежно дотронулись до лица Дома, и, как всегда, эти прикосновения вселили в него уверенность, что все хорошо. Кто-то из ребят в палате сравнил их со стимулирующими таблетками, засунутыми в задницу.

– Теперь никто и не поверит, что на лице был ожог первой степени – никаких келоидных рубцов. Да и под глазами кожа нормального цвета.

– Как же ему так повезло? – поинтересовался один из докторов. От усталости его молодое лицо отсвечивало зеленью. За день до этого им привезли пятерых тяжелых ребят, экипаж бомбардировщика, летавшего на побережье Франции.

– Помогло сочетание разных факторов. – Взгляд хирурга направился на Дома поверх очков-половинок. – К примеру, эластичная средиземноморская кожа, веками получавшая оливковое масло. У пациента мать – француженка, отец – англичанин.

– Я беспородный метис, – улыбнулся Дом.

– А в остальном чистое везение, – продолжал Килвертон. – Просто одни горят лучше, другие – хуже.

При этих словах Дом похолодел.

Томпсон умер в Ист-Гринстед, когда его обработали дубильной кислотой. Килвертон называл такой метод лечения варварским и пытался его запретить. Бедняга Коллинз сгорел заживо в кабине в первом тренировочном полете. Ему было девятнадцать.

¹⁵ Настольная лампа со специальными пружинами, позволяющими фиксировать ее в нескольких положениях, была разработана автомобильным механиком Джорджем Кавардайнм в 1932 году.

– Примечательно, что в идентичном пламени, – продолжал хирург своим ровным, почти безразличным тоном, – при идентичном температурном воздействии, разрушающем кожный покров и ткани, некоторые пострадавшие становятся монстрами... – Впрочем, он не произнес этого слова, а сказал «искалеченными на всю жизнь» или что-то в этом роде, чуть более тактично. И добавил, что «правильная кожа» – это каприз природы, ее подарок наподобие густых волос или железного желудка.

Как бы в подтверждение своих слов он дотронулся до пыльной герани, стоявшей на подоконнике.

– В общем, дело обстоит так: кто-то полностью выздоравливает, кто-то умирает, и самое досадное – что мы не знаем точно, почему так происходит. Ну, а ты... – он снова посмотрел на Дома, – можешь ехать домой. Покажешься мне через шесть недель.

Дом растянул губы в благодарной улыбке и, конечно, обрадовался. Лишь ночью его прошиб пот при мысли о таком своем везении. Почему он жив, а другие ребята погибли? Мысль эта не давала ему покоя.

– Я смогу летать? – Теперь он хотел только этого. – Вы можете меня выписать?

– Через шесть недель будет видно. – Килвертон выключил лампу, натянул на себя древний макинтош и направился к дверям, готовый встретиться с новыми ранеными.

– Я хочу летать. – За последние недели это желание переросло в одержимость.

– Слушай, парень. – Килвертон сердито нахмурился. – Твой отец хирург, верно? Дай передышку ему и твоей бедной матери. Пускай пока что летают другие. Явишься ко мне через шесть недель.

– Я здоров. У меня сильные руки. Давайте через четыре недели.

– Чертов упрямец! – На этот раз Килвертон даже не удостоил его взглядом. – Если не уймешься, придешь через шесть месяцев.

Мать всегда делала одновременно несколько дел. Вот и теперь она нарезала и обжарила хлеб для ланча. На кухне витал аппетитный дрожжевой запах. Еще она жарила баранину в печке «AGA»¹⁶. Недавно мать заглянула в его комнату и спросила, не хочет ли он выпить перед ланчем виски с содовой. Сейчас она стояла перед патефоном и с особым выражением лица, которое он про себя называл «музыкальным», опускала тонарм с иглой на пластинку.

И вот уже из ящика поплыли нежные и недолговечные, словно мыльные пузыри, звуки моцартовского «Концерта для фортепиано № 9», и у Дона перехватило горло. Он снова дома: музыка, жареная баранина, запах мяты, стук сковородок, пение матери. Сосновый паркет и на нем еле слышный аромат лаванды в том месте, где они с Фрейей иногда катались на трехколесном велосипеде – позволяли себе такую шалость. Ковер перед камином, где они сушили волосы воскресным вечером.

Он заложил руки за голову, вытянул ноги и взглянул на картины, развешенные матерью над камином, – «Звездную ночь» Ван Гога и автопортрет Гвена Джонса.

Он поднялся с дивана и стал смотреть на них, словно мог таким образом лучше понять мать. Как ловко она их повесила – не слишком ровно, без педантизма, но так, что приятно глазу.

Она все делала хорошо: готовила еду, приводила в порядок одежду, ухаживала за садом, вышивала и развлекала домашних. На диване лежали подушки, вышитые ее руками. На его взгляд, их было даже многовато. Он взял одну в руки и полюбовался на тысячи тысяч крошечных, аккуратных стежков, сделанных в послеполуденные часы, на бабочек и единорогов.

¹⁶ Теплосберегающая печь AGA – гордость британских хозяек – была изобретена в 1922 году физиком, лауреатом Нобелевской премии Густавом Даленом. Производится в Англии с 1932 года по сей день.

Сквозь величественные звуки Моцарта он слышал слабый стук дождевых капель в оконное стекло. Когда-то мать мечтала стать профессиональной пианисткой. В детстве, лежа в постели, Дом любил слушать полонезы Листа, всплывавшие в его комнату словно дым, или отрывистые «там-там-там» ее маленьких рук, когда мать исполняла свою собственную интерпретацию Девятой. Но теперь ее рояль стоял в углу комнаты, будто важный, но забытый родственник, и был завален семейными фотографиями. Роскошный «Steinway»¹⁷, который был когда-то ее жизнью и едва не разорил ее отца.

Конец этому положил отец Дома. Возможно, не нарочно. Он женился на умной, молодой француженке, а через пару месяцев заболел тиннитом¹⁸ и не мог, по его словам, выносить всякие лишние шумы. Потом родились дети – сначала Фрейя, а через два года Дом. Муж успешно продвигался по карьерной лестнице. Наконец, в холодную зиму 1929 года после обморожения рук ей пришлось и вовсе отказаться от своей мечты. Мать больше не развлекала гостей Сен-Сансом¹⁹ или Джоплином²⁰ и даже не аккомпанировала, когда гости пели дуэтом. Когда-то она учила музыке маленького Дома и утверждала, что при должном усердии он достигнет успехов. То, что когда-то было источником восторга, превратилось в источник стыда, в свидетельство слабости характера. Даже в детстве Дом замечал, как у матери наворачивались слезы на глаза, когда ее спрашивали: «Разве когда-то вы не играли довольно хорошо на фортепиано?»

Дом взглянул на лицо Фрейи в серебристой рамке, стоявшей на рояле. Фрейя – веселые, озорные глаза и такие же, как у него, густые темные волосы. Теперь сестра жила в Лондоне, служила в ВААФ²¹; ей нравилось ее занятие – «быстро наносить на карту всякую всячину».

А вот и он сам в лихой позе жокея – призрак, явившийся из другой жизни, – на пляже в Солкоме, в обнимку с кузенами Джеком и Питером (теперь оба служат в армии). В тот вечер они много плавали, жарили на морском берегу колбасу и ушли, когда на небе уже ярко светила луна. Теперь тот пляж усыпан ржавой проволокой и кусками горелого металла. На другом снимке, который особенно нравился матери, он, еще ни разу не брившийся, в своей первой военной форме сидел на крыле «тигрового мотылька», маленького биплана «Тайгер Мот», на котором учился летать.

Тот год был полон замечательных событий: они с Джеко начали летать, получили свой первый комплект летного обмундирования; Треднелл, их первый инструктор, орал на них: «Что ты дергаешь за штурвальную колонку, как за ручку сортира»; первый одиночный полет; даже драма первого в жизни завещания, когда тебе двадцать один год. Все было восхитительно, все вызывало восторг.

Первый полет состоялся тогда, когда Дом освободился от родительской опеки, а заодно от всех других нитей долга и привычки, которые привязывали его к семье. «Наконец-то я свободен, – думал он. – Пугающе и бессовестно свободен, – когда парил над землей, над церквями и городками, школами и пашнями, испуганный и окрыленный. – Наконец-то свободен!»

...Музыка медленно рассыпалась по комнате блестящими бисеринками и чуть не довела его до слез. Он снова вспомнил Сабу Таркан: ее задорную шляпку, нежную выпуклость живота под красно-белым платьем, хриловатый голос.

¹⁷ «Steinway&Sons» – известнейшая фортепианная фирма США, организованная талантливым краснодеревщиком и существующая с 1853 года по настоящее время.

¹⁸ Тиннит – нарушение слуха, своеобразный шум, возникающий в ухе без внешней стимуляции.

¹⁹ Шарль-Камиль Сен-Санс (1835–1921) – французский композитор, органист, дирижер, музыкальный критик и писатель.

²⁰ Скотт Джоплин (1868–1917) – афроамериканский композитор и пианист.

²¹ The Women's Auxiliary Air Force, или (сокр.) WAAF (БААФ), – женский армейский корпус в штабе истребительной авиации.

Он никогда не верил в любовь с первого взгляда. Ни раньше, ни теперь. В Кембридже, где он разбил не одно девичье сердце и где, по собственным оценкам, вел себя как мелкий подлец, он мог прочесть целую лекцию о том, насколько эти представления нелепы. Его реакция на Сабу Таркан оказалась более сложной – его восхищало, как она вошла в их шумную палату: без извинений и самооправданий, не снисходя до них и не требуя одобрения. Он вспоминал ряды обожженных, изувеченных ребят, лишившихся своей мечты и своего здоровья. Эта девушка унесла их своими песнями за пределы того мира, где возможно быть победителем или неудачником, где господствуют нехитрые человеческие понятия. Какой же силой она обладала?!

– Я принесла тебе сырную соломку, – сообщила мать, входя в комнату с подносом в руках. – Вот посмотри. Я приготовила печенье из сыра, который мы получаем в пайке.

– Присядь, Мису. – Он похлопал ладонью по дивану. – Давай выпьем.

Она налила в небольшой бокал «Дюбонне» с содовой, свою порцию на ланч, а ему – пиво.

– Ах, как приятно. – Она скрестила в щиколотках свои безупречные ноги. – Ой-ой, непорядок! – Она увидела нитку, торчавшую из подушечки, и откусила ее ровными белыми зубами.

– Мису, перестань суетиться и выпей. По-моему, нам с тобой надо как-нибудь напиться до чертиков.

Она вежливо посмеялась. Ей потребуется еще некоторое время, чтобы оттаять. Ему тоже – он снова чувствовал себя уязвимым, хрупким.

– Вот, возьми еще. – Мать протянула ему сырную соломку. – Только не испорти себе аппетит... Ой, прости! – Поднос ударил его по руке. – Больно?

– Нет. – Он поскорее взял две соломки. – Сейчас уже ничего не болит. О, вкусно!

Потом была небольшая пауза. Ее нарушила мать.

– Я вот что хотела тебя спросить: тебе надо принимать какие-нибудь таблетки или...

– Ма, – решительно заявил он. – Сейчас я в полном порядке. Ведь это была не болезнь. Я здоров как бык. Вообще-то, я бы прокатился после ланча на папином мотоцикле.

– Что ж, прокатись. Не думаю, что он стал бы возражать. Сейчас он редко садится на него. – Дом заметил, что мать беспокоится, но не стал придавать этому значения. – Мотоцикл в гараже. Кажется, бензина там достаточно, – храбро добавила она.

– Я ненадолго.

– Так у тебя сейчас ничего не болит?

– Ничего. – Он кривил душой; ему просто не хотелось говорить с матерью – во всяком случае, сейчас, – о том, что беспощадный стальной шар ударил в середину его жизни и едва не забрал у него все: молодость, друзей, карьеру, лицо...

– Что ж, сынок, я могу лишь сказать, – она бросила на него быстрый взгляд, – что выглядишь ты чудесно.

Он внутренне поежился. Мать всегда уделяла слишком большое внимание внешности людей. Упрек в ее голосе, когда она отмечала у кого-то слишком длинный нос или слишком большой живот, говорил о том, что она считала такого человека либо неряшливым, либо глупым, либо тем и другим. Некоторые летчики из их палаты так обгорели, что их едва можно было узнать, но все равно они оставались нормальными людьми.

– Правда? – Он не сумел скрыть горькую нотку в своем голосе. – Что ж, все хорошо, что хорошо кончается.

Он обидел ее и тут же почувствовал себя виноватым. Мать пересела на другой конец дивана и сгорбилась.

– Какая чудесная музыка, – сказал он. – Спасибо за такой выбор. В госпитале мы слушали только трескучий радиоприемник. Правда, несколько раз к нам приезжали артисты.

– Было что-нибудь стоящее?

– Да, пара концертов.

«Певицы?» – Он представил себе, как мать произносит это слово, а потом с мимикой профессионального музыканта спрашивает: «Что, они неплохо пели?»

– В госпитале я понял, – сказал он, – что мне опять хочется играть на фоно.

– Неужели? – Она недоверчиво, даже подозрительно взглянула на сына, словно ожидая подвоха.

– Да.

Она повеселела и взяла его за руку.

– Ты помнишь, как ты играл когда-то? Своими милыми маленькими пальчиками? – Она элегантно взмахнула рукой, сверкнули бриллианты. – Пухлыми, как чиполатас, маленькие колбаски такие в Италии. Сначала у тебя мало что получалось, а потом ты уже исполнял Шопена. Знаешь, ты мог бы добиться огромного успеха, – добавила она, – если бы любил музыку.

– Да-да, непременно, – отмахнулся он. Спор этот был у них давний. – Я оказал огромную услугу Вальтеру Гизекингу²², не сделавшись его соперником... А помнишь, как ты чуть не отрубила эти *милые маленькие пальчики*? – насмешливо напомнил он. Однажды они поссорились, когда он слишком громко и быстро играл «К Элизе», упиваясь своим упрямством. Она отругала его и потребовала, чтобы он исполнял пьесу легче и выразительнее, а он заорал: «Я люблю, когда громко и быстро». Тогда мать – ох, какой стремительной и яростной была в те дни ее реакция – так резко захлопнула крышку рояля, что он чудом успел отдернуть руки. У него посинел лишь ноготь на мизинце.

Она прижала ладони к лицу.

– Почему я так злилась?

Ему хотелось сказать: потому что это было для тебя очень важно, потому что тебя страшно задевали некоторые вещи.

– Не знаю, – мягко ответил он и снова вспомнил ее тогдашнее злое лицо, освещенное лампой.

– Слушай, непокорный ребенок, – сказала она, вставая. – Ланч готов. Давай поедем.

– Да, Мису, давай.

Пожалуй, это был самый безопасный выход из ситуации.

Потом они сидели за кухонным столом лицом к лицу. Разговор не клеился, но мать, к счастью, так и не спросила про Аннабел, ведь ответ бы ее огорчил. Ей нравилось, как Аннабел одевалась, нравилась ее изящная фигура, нравились ее родители. Мало того, мать пришла бы в ярость от того, что у какой-то девицы хватило глупости отвергнуть ее замечательного сына. Сам Дом уже приготовил и отрепетировал оптимистичный отчет о том эпизоде. Да, теперь он даже радовался, что Аннабел ушла, – меньше народу будет тревожиться за него, когда он вернется в авиацию.

Мать налила ему бокал вина и положила на тарелку кусок жареной баранины с восхитительным луком, морковью и зеленью – все с собственной грядки. Он жадно ел и знал, что она радуется его аппетиту и постепенно оттаивает.

– Ма, так вкусно я не ел уже давно, несколько месяцев, – сказал он за кофе. – А на фоно мне правда хочется играть.

И тут его ошеломили ее слова.

²² Вальтер Гизекинг (1895–1956) – знаменитый немецкий пианист.

– Ты ведь хотел летать, правда? Именно об этом ты сейчас и мечтаешь. – Она пристально посмотрела на него, и он не понял, то ли она умоляет его не летать, то ли просто хочет знать правду.

Он поставил чашку на стол и тихо сказал:

– По-моему, нам надо поговорить об этом отдельно. Не сейчас.

Она порывисто встала и пошла к раковине.

– Да. Не сейчас. – Она резко открыла кран. Поднесла к глазам полотенце. – Не сейчас, – повторила она через пару секунд. – Сейчас я просто не выдержу.

Глава 3

Кардифф, Помрой-стрит 1942 год

Письмо Дома прибыло с утренней почтой. Читая его, Саба порозовела от смущения. Этого парня она помнила. Правда, не очень отчетливо.

В тот вечер, перед концертом, она была ужасно взвинчена, боялась, что слишком волнуется при виде обожженных летчиков и не сможет петь, а потом радовалась, что все прошло гладко.

Но ведь это о чем-то говорило – вернее, говорило о многом: тот вечер показался особенным и раненому парню, запомнился ему. Сабе захотелось сбежать вниз по лестнице с этим письмом в руке, заставить всех домашних прочесть его – «Глядите, я делаю важные вещи; не заставляйте меня все бросить». Но поскольку никто с ней не разговаривал, она убрала конверт в ящик ночного столика. С такой сумятицей в голове ей было не до него; отвечать на письмо она и не собиралась.

В ее семье шла война. За две недели до этого Саба получила коричневатый конверт с надписью «На службе Его Величества». В конверте было письмо из ЭНСА²³, в котором некий Джон Мерретт приглашал ее на прослушивание в Лондон, в Королевский театр Друри-Лейн, 17 марта в 11:30. «С собой иметь ноты и туфли для танцев. Расходы будут оплачены».

Ее семья жила в Кардиффе в террасном доме на Помрой-стрит, возле доков, в нескольких улицах от залива. Здесь, на верхнем этаже маленького и уютного дома с тремя крошечными спальнями, Саба появилась на свет двадцать три года назад, на три недели раньше срока, краснолицая и орущая. «С самого начала у тебя были мощные легкие», – с гордостью говорила мать.

Она жила в доме с матерью Джойс и младшей сестренкой Лу. И, конечно, с доброй Тансу, бабушкой-турчанкой, которая переехала к ним лет двадцать назад. Иногда приезжал и отец, судовой инженер, проводивший большую часть времени в море.

Когда пришло письмо, Саба была одна, если не считать старую Тан, – бабушка спала у камина в передней комнате. Она распечатала конверт, прочла, не веря своим глазам, приглашение, и ее охватил такой восторг, что она буквально взлетела по лестнице вверх, в свою спальню, подняла руки и издала безмолвный вопль. Потом уселась перед туалетным столиком. Из трех зеркал на нее смотрело взволнованное, бледное лицо.

«Ого! Аллилуйя! Хвала Аллаху! Спасена! Чудо!» – Она танцевала на голых досках пола в неистовой радости. Наконец-то в ЭНСА ее оценили! После всех ее выступлений в продуваемых ветрами фабричных цехах перед усталыми рабочими, на наспех сколоченных помостах перед солдатами! В Лондон! Там она еще не была. Это будет ее первое профессиональное турне.

Она металась взад-вперед по комнате. Ей не терпелось поделиться с матерью своей радостью. Мама работала в дневную смену на фабрике, куда предстояло пойти и Сабе, и обычно возвращалась домой в половине шестого. Наконец, хлопнула входная дверь. Саба стремглав бросилась вниз, обняла мать и выпалила ей свою новость.

Только потом она поняла, что неправильно выбрала момент. Нужно было сначала напоить мать чаем. А тогда она была ужасно взвинчена и, мягко говоря, непредсказуема. К тому

²³ Entertainments National Service Association, или (сокр.) ENSA (ЭНСА), – Национальная ассоциация зрелищных мероприятий для военнослужащих.

же ее реакция часто зависела от настроения мужа... Или, пожалуй, Сабе нужно было сначала поделиться с Тансу... Тан, с ее мудростью, помогла бы ей убедить мать.

Мать, в ужасном комбинезоне и зеленом платке, повязанном тюрбаном, выглядела усталой и некрасивой. Она взяла письмо из рук дочери и молча прочла его, сурово поджав губы. Потом прошла в переднюю комнату, сняла обувь и рывкнула: «Почему погас огонь в камине? Куда ты смотрела?»

Все еще держа в руке конверт, она сердито взглянула на дочь и почти с ненавистью заявила:

– Все, мое терпение иссякло. Это была последняя капля.

– Что? – воскликнула Саба.

– Ты никуда не поедешь!

Саба бросилась через кухню на задний двор, где они держали растопку. А когда вернулась, мать сидела у потухшего очага, а бабка что-то бормотала по-турецки, как всегда, когда волновалась или чего-то боялась.

– Дай сюда. – Джойс выхватила из рук дочери щепки и бумагу, бросила их в камин и пошевелила угли кочергой, стоявшей тут же в медном коробе.

– Ты устала, мама. – Саба пыталась прибегнуть к дипломатии. – Сейчас я принесу тебе чай, а потом ты прочтешь письмо еще раз.

– Я не хочу читать это проклятое письмо, – заорала мать. – Ты никуда не поедешь, пока отец не разрешит.

Бумага ярко вспыхнула от спички. Тансу, хмурясь и что-то бормоча по-турецки, заковыляла на кухню. Джойс так и сидела, тяжело дыша. Ее щеки ярко пылали от гнева.

Саба лишь ухудшила ситуацию, заявив, что для нее это шанс чего-то добиться в жизни и что даже мистер Чемберлен сказал по радио: все жители страны должны внести свой вклад в дело победы над врагом.

– Я достаточно делаю ради победы! – заорала Джойс. – Твоя сестра уехала к чужим людям, и неизвестно, когда сможет вернуться домой. Отца мы вообще не видим дома. Я работаю с утра до вечера на фабрике. И тебе тоже пора пойти туда, хватит дома бездельничать...

– Мама, я говорю не о тебе! – взвилась Саба. – Сейчас речь идет обо мне. Ведь ты сама говорила, что надо мечтать и стремиться, чтобы твои мечты сбывались! Разве нет?

– Ох, о чем ты говоришь! – Мать сдернула с головы тюрбан и швырнула на стол. – Я шутила. И вообще, мистер Чемберлен имел в виду другое. Ради победы не обязательно петь глупые песенки и задира́ть ноги.

Саба ошеломленно глядела на мать. Неужели она искренне верила в то, что говорила? Неужели перед ней та самая Джойс, которая в театре «Гайети» с громким смехом шла с дочкой по проходу зрительного зала, когда на спектакле «Белоснежка» на сцену позвали детей? Джойс возила ее на уроки бального танца, надевала балетки на ее пухленькие ножки. Всего лишь три месяца назад, перед концертом в госпитале, мать не спала до утра и шила красное платье в горошек, а неделю назад со слезами на глазах слушала, как Саба поет «Всю ночь»²⁴.

– Нет, ты не шутила! – закричала она, давая волю своему гневу. – А если и шутила, то лучше бы ты не говорила об этом сейчас. – Ей вспомнились ее тогдашние мучения – диеты, голод, уроки пения; однажды, когда на репетиции оборвалась трапеция, Саба сломала два ребра.

– Нет, я никогда не думала всерьез о том, что ты станешь артисткой. Все это было забавой, как поход в кино. А теперь наступила реальная жизнь.

²⁴ Песня «*All Through the Night*», автор – Джентл Джайант.

И тут Тансу, обычно ее стопроцентная союзница, внезапно зацокала языком, как бы говоря «нет-нет-нет». (Звук этот всегда действовал Сабе на нервы.) Если внучка поедет в Лондон, заявила старая турчанка, ей на голову упадут бомбы. Саба огрызнулась и возразила, что бомбы падали не раз и здесь, на Помрой-стрит. Джойс пригрозила дочери помыть с мылом ее рот, если она еще хоть раз надерзит бабушке. После этого мать с бабушкой удалились на кухню. Саба поплелась следом.

– Послушайте, – уговаривала она их. – Ведь я могу поехать куда угодно: в Каир, или в Индию, или во Францию, или куда-нибудь еще. – Сказав это, она представила себе, как поет перед солдатами, стоя на импровизированной сцене на фоне огненно-красного неба.

– Забудь об этом раз и навсегда. – Мать побросала картофелины в кастрюлю и зажгла газ; ее руки покраснели от ледяной воды. – Отец разозлится. И тут уж я буду с ним согласна.

А-а, так вот в чем настоящая причина. *Отец разозлится.* Мамин эмоциональный флюгер был всегда повернут в отцовскую сторону и чутко улавливал вероятные бури... Саба и ее мать, тяжело дыша, смотрели друг на друга.

– Мне двадцать три года. Он больше не может диктовать мне свою волю.

– Нет, может! – закричала мать. – Он твой родной отец.

Саба смерила ее презрительным взглядом.

– Мам, у тебя когда-нибудь были собственные мысли?

С ее стороны это была подлость: Саба прекрасно знала, что мать жертвовала собой и своими интересами ради семьи.

Голова матери дернулась словно от пощечины.

– А то ты сама не знаешь? – тихо ответила она после затянувшейся паузы. – Глупая, эгоистичная девчонка.

– Чего не знаю?... – Сабу словно подталкивала нечистая сила.

– Как тяжело твоему отцу в плавании. Ведь на морских путях сейчас очень опасно, там рыщут немецкие подлодки, а над головой летают вражеские самолеты. Моряки живут в постоянной угрозе новых авианалетов.

После этих слов у обеих спорщиц навернулись на глаза слезы.

– Ма, я хочу заниматься тем, что мне интересно. Не хочу работать на фабрике. Я способна на большее.

– У-ух, – только и смогла произнести мать.

Это тоже было обидно. Хуже того, мать, главная ее поддержка, разговаривала теперь с ней с непонятной ненавистью. А ведь все могло сложиться по-другому... Зарыдав, Саба побежала по полутемному коридору, где со стен взирали на нее фотографии суровых отцовских пращуров-турок и материнских предков из долин Уэльса. Хлопнув дверью, выскочила на задний двор и села в сарае.

Только что ей казалось, что перед ней открывается замечательная жизнь – первое турне по южному побережью, уроки пения с профессиональными педагогами в Суонси; свобода и возможность жить так, как она мечтала. И вот все рухнуло. Впереди ее ждала либо работа на фабрике, либо, если повезет, нелепые любительские концерты или записи на радио.

Нерешительный стук в дверь.

– Саба. – В сарай вошла Тансу в своем цветастом фартуке и резиновых галошах, хотя погода была сухая. В руке она держала лейку. – Саба, – она всхлипнула, – не ходи моя дом. «Не ходи моя дом» у Тансу означало «Я люблю тебя, не бросай меня».

– Тансу, я ничего не понимаю, – сквозь слезы проговорила Саба. – Ты приходила на мои концерты. Ты говорила, что я рождена для пения. Мне казалось, что мы все единоклубны в этом.

Бабушка сорвала увядший листок с жасмина, который когда-то посадила на заднем дворе. Куст упорно отказывался цвести.

– Слишком много людей покинули этот дом, – сказала она. – Твоя сестра ушла в долины.

– Она не ушла, – запротестовала Саба. Восьмилетнюю Лу, любимицу всей семьи, отправили подальше от бомбежек в знакомую семью, живущую в долине реки Рондда. Иногда по воскресеньям Лу приезжала домой со своим маленьким чемоданчиком.

– Твой отец в море.

– Ему там нравится. Это его жизнь.

– Ты не ходи дорога. – Еще один вариант мольбы «Не бросай меня».

– Тансу, я всю жизнь мечтала об этом. Я заработаю для нас деньги. Я куплю тебе большой дом в Ускюдаре. – Тан часто упоминала об этом городке, когда говорила о Турции.

– Нет. – Тансу избегала ее взгляда. Она так и стояла, потупив взор, старая и массивная, как приморская скала.

Саба взглянула на темнеющее небо, на чайк, летящих к докам.

– Тан, пожалуйста, помоги мне, – попросила она. Когда-то они вместе пели детские песенки. Тан учила ее.

– Я говорить ничего, – отрезала Тан. – Говорить с твоем отец.

Ее отец, Ремзи, работал инженером на судах компании «Файффс»²⁵, которые прежде возили по всему свету бананы, рис и уголь. Черноволосый, с постоянной легкой трехдневной небритостью, он был красивым и энергичным. В детстве он казался Сабе божеством – повелителем волн. Названия судов, на которых он плавал, – «Копакабана», «Такоради», «Матади» – пьянили ее, словно поэзия. Она гордо восседала на его плечах, когда он шел по Помрой-стрит к заливу, а его окликали местные мужчины, здоровались и спрашивали, не может ли он устроить их на хорошую работу.

Что самое смешное (впрочем, сейчас это уже не вызывало у нее улыбку) – талант певицы обнаружил у нее именно отец. Они были на рождественском концерте в храме св. Уильяма, и маленькая певунья встала на стул и спела песенку о британском охотнике Джоне Пиле²⁶. Ее пение было принято с бурным одобрением. Лицо отца расцвело от любви и гордости. С тех пор он просил дочку петь на семейных праздниках турецкие, арабские и французские песенки, которые привозил из плавания.

Ее «Архонтисса»²⁷, исполнявшаяся с пафосом и оживленной жестикуляцией, трогала до слез суровых греков. Отец даже водил ее на конкурсы талантов – она на всю жизнь запомнила, как он чуть не зарыдал от радости, когда она победила. Как потом они шли домой, окрыленные успехом, как зашли в кафе «Плиз» на соседней улице и купили мороженое.

Но потом, лет в тринадцать, у нее стала расти грудь. Еле заметно, в общем-то, но первый тревожный звонок раздался на ее выступлении в здании ИМКА²⁸, что возле залива. Отец сидел в первом ряду, в его глазах сверкал гнев.

– Мужики – грубые животные, – бормотал он, когда тащил Сабу домой. – Большинство из них не разбирает, кто перед ними. Они лягут в постель с кем угодно. – Он презрительно кривил губы, словно дочь уже опозорила его.

Перепуганная и сбита с толку, она молчала, еще не понимая, что начиналась ее двойная жизнь. Когда отец уходил в плавание, она иногда пела на концертах – хотя, если бы отец узнал об этом, разразился бы чудовищный скандал. Но кроме тех выступлений все прочее

²⁵ Fyffes («Файффс») – ирландская компания, занимающаяся перевозкой и продажей свежих фруктов.

²⁶ Военный английский марш «D'Ye Ken John Peel».

²⁷ Популярная греческая песня Arhontissa (Αρχόντισσα).

²⁸ Young Men's Christian Association, или (сокр.) YMKA (ИМКА), – Юношеская христианская ассоциация.

было вполне респектабельным: валлийские эйстедфоды – певческие состязания, сольные выступления в методистской церкви, хотя Саба часто жаловалась матери на смертельную скуку.

Отец рос на окраине городка Ювезли в глубине Черноморского побережья. Когда-то Саба любила слушать его рассказы. В их хозяйстве были ослики, куры, возле дома росли стройные чинары. В дни праздников за столом собиралось человек двадцать, а его мать угощала всех жареными курами, фаршированными томатами, молочной кашей с орехами. При этих воспоминаниях глаза отца наполнялись слезами.

Однажды Саба неосторожно спросила:

– Ты скучаешь по Родине, баба?²⁹

Отец взглянул на нее и печально ответил:

– Не проходит и дня, чтобы я не вспоминал о ней. Я помню каждый камень в нашем доме, каждое дерево в саду... – Тогда Сабе показалось, будто их окутало тьмой, и она подумала, что больше никогда не спросит отца об этом.

Теперь, когда суда, на которых работал Ремзи, возили только уголь для военных нужд, а его маленькая дочка выросла, он постоянно хмурился и сердился. Саба была сыта этим по горло. Отцу ужасно не нравилось, что Джойс работает на фабрике, не нравилось, что три женщины прекрасно справлялись с хозяйством и без него, и он держал себя дома, словно гость. Как-то раз он хмуро сидел у огня в передней комнате, и Саба вдруг заметила в нем сходство с их новым петухом, которого они пустили на задний двор к курам, – тот одиноко и угрюмо сидел на насесте среди квохчущих кур. Старая Тан обожала сына и всячески пыталась ему угодить. Во время завтрака или обеда она стояла возле него, готовая сбегать на кухню за добавкой, если блюдо ему нравилось, одобрительно качала головой, когда он что-то вещал. Видела Саба и то, как мать, такая веселая и уверенная в себе, превращалась в безмолвную тень, когда отец был дома. Каким робким и тревожным делался ее взгляд, как часто она гоняла Сабу наверх за отцовскими тапочками или какой-нибудь книгой. При мысли о том, как много трудились мать и Тан, у Сабы больно сжималось сердце. Почему отец даже не пытался облегчить их жизнь?

Приближалось время решительного разговора. Всю неделю письмо из ЭНСА жгло ее карман, а послание раненого летчика придало ей уверенности. В прихожей стоял отцовский чемодан. Отец приехал из Портсмута в среду, вымылся в передней комнате и молча ушел в свою каморку в задней части дома. Оттуда он выходил лишь к столу.

Мать, бледная от беспокойства, умоляла Сабу не показывать пока что письмо отцу, а сделать это накануне его отъезда.

– Он и так мрачный. Скажешь ему сейчас, и он будет злиться все десять дней.

– Ма, почему ты позволяешь ему так себя вести? – воскликнула Саба. – Ведь для тебя это мучение.

В конце концов, она потеряла терпение и решила действовать. Прежде, до войны, вся семья собиралась по субботам за ужином в передней комнате. Джойс и Тан готовили что-нибудь вкусное, скажем, хумус или курятину с грецкими орехами. На стол стелили бархатную скатерть. Сабе часто вспоминались те счастливые времена, когда в камине горел огонь и его отсветы играли на фарфоровой посуде. Иногда отец даже танцевал, прищелкивая пальцами и обнажая в улыбке великолепные зубы.

Старая Тан пыталась рассеять тягостную атмосферу в доме и оживить семейную традицию. Несколько дней она не ела мяса, чтобы приготовить из него маленькие мясные шарики, любимое блюдо Ремзи. Еще она наведлась к Джамалю, арабу-зеленщику с сосед-

²⁹ Отец (турецк.).

ней улицы, и добыла у него уговорами немного булгура и соленые лимоны. Два дня она не вылезала из кухни и стряпала. Все это время по дому разносились завывания знаменитой египетской певицы Умм Кульсум³⁰; Ремзи покупал для Тансу пластинки во время рейсов по Средиземноморью. Эти песни вызывали у Сабы сходство с похоронной процессией, где черные лошади тащат черные дроги.

Пока Тан стряпала, Саба репетировала свою речь, подбирала самые убедительные слова.

«Баба, это очень уважаемая организация, сейчас это часть армии. Мы будем под надежной защитой... В ней даже полагается специальная форма, так что это не просто группа актеров и певцов...»

Они делают много хорошего для армии. Поднимают боевой дух...

Я многому научусь, эта работа обеспечит мне хорошие перспективы...»

Весь день она поглядывала на часы; все мышцы в ее теле напряглись от нервного возбуждения. В шесть часов она спокойно заняла свое место за семейным столом. Вскоре в дверях появился отец, высокий, хмурый, в длинном халате, который он всегда носил дома. Аккуратная борода и черные глаза с тяжелыми веками придавали ему сходство с ветхозаветным пророком. Из-под халата выглядывали броги, элегантные ботинки, какие носили английские джентльмены. Джойс начищала их каждое утро перед тем, как пойти на работу.

За ужином разговор касался лишь безобидных тем: погоды – ужасной; войны, на которой не было признаков улучшения. Поговорили о миссис Орестес, соседке, у которой несколько месяцев назад погиб во Франции сын; ее жалели, но считали, что ей пора уже взять себя в руки. Джойс сказала, что соседка с тех пор не вылезала из домашнего халата и не открывала дверь на стук, даже когда Джойс испекла для нее пирог. Когда опустели тарелки, отец ко всеобщему восторгу извлек из складок халата ириски, купленные в Амстердаме. Тан поспешила на цыпочках за мятным чаем для Ремзи. Когда ушла и Джойс, Саба набрала в грудь воздуха и обратилась к отцу.

– Что мне делать? Помочь Тан на кухне? Или мы можем поговорить?

– Присядь, Шоба. – Отец назвал ее ласковым именем, как в детстве, и показал на скамеечку, стоявшую возле его стула.

Она села, стараясь не загораживать тепло камина, согревавшее его ноги. Сердце громко стучало в ее груди, но она прихлебывала воду и старалась казаться спокойной.

– Мы давным-давно не говорили с тобой на серьезные темы, – пробасил отец.

Верно – когда он приезжал домой, Саба старалась держаться от него подальше.

Тан притащила мятный чай и снова засеменила прочь. Отец сделал глоток, и Саба почувствовала его руку на своем плече.

Она протянула ему письмо.

– Мне хочется, чтобы ты прочел вот это письмо.

– Оно адресовано мне?

– Да, – ответила она, а сама подумала: «Нет, мне».

Ремзи начал читать письмо, и между его бровями залегла глубокая складка. Он дочитал до конца и принялся за него еще раз.

– Я одного не понимаю, – мрачно заметил он. – Как эти люди узнали о тебе.

– Сама не знаю, – ответила Саба с дрожью в голосе. – Вероятно, они слышали где-нибудь мое выступление.

Отец поставил чай на стол. Неодобрительно покачал головой. Наступило долгое молчание.

³⁰ Умм Кульсум (1898–1975) – египетская певица, автор песен, актриса. Одна из наиболее известных исполнителей в арабском мире. Обладала голосом контральто.

– Ты лгала мне, – сказал он наконец. – Ты опять ездила выступать.

Он произнес это так, словно она пела в стрип-шоу. Саба встала со скамейки, чтобы не казаться себе послушной собачкой у его ног.

– Только пару раз, – ответила она. – В церкви и в госпитале.

Он снова перечитал письмо и яростно поскреб затылок. Джойс, наверняка подслушавшая за дверью, вошла в комнату с полотенцем в руке. У нее был испуганный вид.

– Ты видела вот это? – Голос Ремзи прозвучал как удар хлыста.

Джойс с паническим испугом посмотрела на мужа. Вероятно, в их отношениях возник кризис, и это было ужасно.

– Да.

– И что ты ей сказала?

– Ничего не сказала. – Еще ни разу Саба не видела, чтобы мать так дрожала от страха. – Вероятно, те люди случайно слышали, как Саба пела в методистской церкви, – пролепетала она.

– Не ври мне! – заорал отец. – Yaa, esek!³¹

Вой сирены остановил их на мгновение, но вскоре затих. Все уже привыкли к ложной воздушной тревоге.

– Ты ведь сам говорил, что ей нужно тренировать голос, – храбро возразила мать. – Саба не может вечно сидеть дома.

– Она болела, – закричал отец. Полгода назад у Сабы был тонзиллит.

– Нет, она болела не так сильно. Если бы ты бывал чаще дома, ты бы это знал! – пронзительно закричала мать.

Ремзи швырнул стакан с чаем об стенку. Стекло со звоном разлетелось, женщины закричали от страха, решив, что в дом попала бомба.

– Не смей мне грубить! – Отец вскочил на ноги и замахнулся на жену.

– Прости, прости. – Искорка бунта бесследно погасла; мать снова униженно лепетала. Бросив полотенце на стол, она ползала по полу, собирая осколки, а когда вынырнула с багровым лицом из-под скатерти, весь ее гнев обрушился на Сабу.

– Глупая девчонка! – воскликнула она, кривя в гневе губы. – Все тебе надо сделать по-своему, да?

Спор продолжился за тонкой стенкой, отделявшей родительскую спальню от комнаты Сабы. Отец кричал на Джойс, что по ее вине дочь выросла такой глупой и испорченной. Глухой удар, пронзительный крик матери, перешедший в тонкий вой. Тяжелые шаги вниз по лестнице. Весь дом вздрогнул от стука двери.

На следующий день Саба достала с верха гардероба свой кожаный чемодан и раскрыла его на кровати. Положила на дно свои красные туфли для чечетки, красное платье в белый горошек, чулки, сумочку с туалетными принадлежностями. Конверт из ЭНСА лег на одежду. Она сворачивала листок бумаги с адресом театра на Друри-Лейн, когда услышала звук открывшейся входной двери.

Не считая Тан, она была одна в доме. Джойс ушла на работу. Саба села на цветастую перину и напряженно прислушалась к скрипу ступенек под мужскими шагами.

Ремзи вошел в комнату. В руке он держал предмет, над которым они часто шутили в ее детстве, – короткую плетку с двумя кожаными ремнями. Как-то Ремзи рассказал дочке, что его отец регулярно драл его этой плеткой. Для Сабы это была лишь восхитительная и пугающая детская игра, которую они затевали вместе с отцом. Ремзи с притворной яростью бегал по заднему двору, размахивая плеткой, а она улепетывала в сладком ужасе.

³¹ Глупая ослица! (Турецк.)

Но на этот раз отец положил плетку на кровать, на пачку нот, и посмотрел на дочь невидящими глазами.

– Папа! – сказала Саба. – Не надо! Пожалуйста, не делай этого. – Словно могла спасти отца от него самого.

– Я не могу допустить, чтобы ты и дальше противилась моей отцовской воле, – ответил Ремзи. – Перед матерью и бабушкой. Ты навлекаешь позор на наш дом.

«Позор на наш дом! Позор на наш дом!» Отец произнес эти слова так, словно играл роль в мелодраматичной провинциальной пьеске. Словно у него была длинная, как у Синдбада, борода и кривая сабля на поясе. Но прошли времена, когда она могла шутить с отцом насчет этого. Когда она отошла к окну, на пол упал бурый конверт. Отец тут же схватил его и потряс им в воздухе.

– Ты никуда не поедешь, – заявил он. – Хватит с меня и того, что твоей матери приходится работать на фабрике.

Саба посмотрела на отца. В ее ушах раздавался пронзительный звон.

– Я поеду, папа, – спокойно заявила она. – Другого такого шанса у меня не будет.

Его взор потемнел.

– Нет, не поедешь.

Если бы отец не порвал тогда письмо, все могло бы остаться таким, как прежде. Но он порвал его и разбросал обрывки, будто конфетти, по комнате, и тогда разразился ад. Ведь то письмо было для Сабы веским доказательством того, что могут сбываться самые заветные мечты.

Если честно, то она первая ударила его – по руке, и тогда он зарычал как зверь и набросился на нее с кулаками. Бил по голове и плечам. Они орали и ревели. Потом в комнату ворвалась с пронзительными воплями Тансу и, набросив на голову фартук, завизжала.

– Durun! Yarmayın!³²

Отец выпрямился. Саба села на кровать, дрожа всем телом. У нее текла кровь из носа. Еще ей было ужасно стыдно за них обоих.

Отец всегда был строгим, даже грозным, главой семейства. «Твой отец склонен к диктатуре, а не к демократии», – заметила как-то мать не без гордости. Но он никогда не давал волю рукам; во всяком случае, по отношению к ней. Но в тот день ей показалось, что она никогда его не знала либо знала частично, что эта сторона его натуры – настоящее зло.

– Если ты уедешь, – заявил отец срывающимся от гнева голосом, – больше не показывайся мне на глаза. Я не желаю тебя видеть.

– Я тоже, – спокойно парировала она. – Так что все.

Ей хотелось плюнуть в него, ударить его снова. Потом уже она разразилась слезами, потоком слез, но до этого написала свое первое письмо Доминику Бенсону. Это был вызов, акт непослушания, который переменял все.

«Дорогой пилот-офицер Бенсон,
я намерена приехать 17 марта в Лондон, в Королевский театр Друри-Лейн, на прослушивание в ЭНСА. Может, мы встретимся после этого?

С наилучшими пожеланиями,

Саба Таркан».

³² Прекратите! Не надо! (Турецк.)

Глава 4

Впервые в жизни Саба была одна, да еще в Лондоне. Она спустила ноги с кровати на холодный линолеум. Руки дрожали так сильно, что у нее никак не получалось застегнуть платье. На тумбочке, испещренной множеством следов от потушенных сигарет, лежала Библия; рядом стоял пустой графин с дохлой мухой.

Почти всю ночь она провела без сна на неудобной кровати в убогом отеле на Боу-стрит, где поселилась по рекомендации ЭНСА. Она лежала с открытыми глазами под тощей, затхлой периной, вслушивалась в звуки ночного города и старалась не думать о доме, о маме с бабушкой.

Мать отпросилась с работы, чтобы проводить ее на вокзал.

– Когда же ты вернешься? – спросила она. Под зеленым тюрбаном ее лицо казалось мертвенно-бледным.

– Не знаю, мама, – как все сложится. Меня могут и не принять.

– Тебя примут, – угрюмо заявила мать. – Что же я скажу Лу?

– Скажи ей что-нибудь, что считаешь нужным.

– Ведь она ужасно огорчится, если ты уедешь.

– Мам, давай будем честными – ты сама готовила меня к этому. – Да-да, именно так: уроки музыки и пения, мечты, а в награду рыба и чипсы в «Плиз», когда Саба побеждала на конкурсах, – и вдруг такая перемена в настроении матери.

На вокзале они глядели друг на друга словно люди, потерпевшие кораблекрушение.

– Ну, пока, мама, – сказала Саба, когда подали поезд.

– Пока, милая. – Но в последнюю минуту Саба уткнулась в плечо матери, и они крепко обнялись.

– Не сердись на меня, – пробормотала Саба.

– Я не сержусь, – ответила Джойс, сдерживая слезы. – Удачи тебе.

Проводники уже закрывали двери вагонов. Саба вошла в купе, а мать повернулась и направилась прочь, стройная, в зеленом тюрбане; вскоре она скрылась в толпе. У Сабы защемило сердце при мысли о том, что она чудовище, потому что ужасно огорчает своих родных.

Номер обогревался газом. Хозяйка объяснила, как повернуть кран и куда поднести спичку, но Саба боялась, что газ вспыхнет, и предпочитала мерзнуть. Она просто закуталась в перину и пыталась сосредоточиться на предстоящем прослушивании. У нее почти не осталось сомнений, что это будет полный провал, и она жалела только о том, что назначила встречу с летчиком уже после ЭНСА. Он получил ее письмо и написал, что по чистой случайности он будет на той неделе в Лондоне и остановится в доме сестры недалеко от Королевского театра. Что они могут встретиться и выпить либо чая, либо вина в клубе «Кавур». Номер его телефона – «Тейт 678».

Где-то в три тридцать громко забурила вода в уборной, расположенной в коридоре. Саба села на кровати и решила, что утром она позвонит летчику и отменит встречу. Прослушивание – и так большой стресс, надо беречь силы. Да и летчик может подумать, что она легкомысленная особа, раз согласилась на встречу.

Перед рассветом ее разбудил рокот бомбардировщиков. Около сорока тысяч лондонцев погибли тут во время «блицкрига»; этой информацией «обрадовала» ее напоследок мама. Дрожа в чернильном мраке, Саба включила лампу на тумбочке, сдвинула в сторону Библию, достала из чемодана свой дневник и написала на чистой странице: «ЛОНДОН».

«Я приняла либо самое глупое и неудачное решение в своей жизни, либо самое разумное. В любом случае я должна написать об этом. Возможно, это потребуется мне (ха-ха!) для моей автобиографии».

Она неодобрительно взглянула на ложную браваду своих «ха-ха», словно их писало какое-то постороннее существо.

«Дорогой баба, – добавила она после этого. – Пожалуйста, попытайся простить меня за...»

Скомкав листок, она швырнула его в корзину. Ведь он тоже виноват; она не станет ползать перед ним на коленях, да и не простит он ее, она уже это понимала. Впервые в жизни она жила по своим планам, без разрешения старших, и ей надо держаться своей линии, даже если вся затея закончится катастрофой.

Завтрак – тост и омлет из яичного порошка – она съела в одиночестве в холодном зале, где не горел газовый обогрев. Компанию ей составили лишь бело-розовые фарфоровые куклы из коллекции хозяйки. После завтрака она прошла пару улиц до Королевского театра, дивясь на грохот автомобилей и людские толпы.

На углу улицы она зашла в телефонную будку, сунула монеты в щель, повесила на крюк сумку с платьем и набрала номер Доминика Бенсона.

– Алло? – прозвучал женский голос, удивленный, воркующий.

– Знаете, я Саба Таркан. Мне нужно что-то сообщить пилоту Бенсону. Вы можете передать ему?

– Конечно.

– Мне очень жаль, мы договорились с ним о встрече, но я не смогу прийти – я не знаю, где я буду.

– А-а. – В голосе женщины прозвучало разочарование. Или Сабе это показалось?

– Простите, с кем я говорю?

– Да, конечно. Я Фрейя, его сестра. Я непременно передам ему ваше сообщение.

– Спасибо. – Она хотела добавить, что позвонит позже, но не успела. На другом конце провода положили трубку.

Учащенно дыша, она вышла из будки. Все ее мысли были заняты предстоящим прослушиванием и тем, что она приехала в Лондон, да еще одна. Больше она ни о чем не могла думать.

Первой неувязкой оказалось то, что Королевский театр Друри-Лейн находился на самом деле на Кэтрин-стрит, и Саба немножко заблудилась. Но потом все-таки отыскала театр и была разочарована – театр выглядел обшарпанным и серым – ни ярких афиш со знаменитыми певцами и артистами, ни ярких огней, ни швейцаров в униформе, ни шикарных дам в мехах, оставляющих за собой шлейф дорогих ароматов. Строгая вывеска извещала о том, что здесь размещается штаб-квартира ЭНСА, Ассоциации зрелищных мероприятий для военнослужащих.

Саба поднялась по ступенькам и вошла в фойе, где за столиком сидел хмурый сержант. Перед ним лежали блокнот со списком фамилий и стопка каких-то формуляров.

– Я пришла на прослушивание в ЭНСА, – сказала ему Саба. Она нервничала, неожиданно для себя – ведь она впервые была в таком месте одна, без мамы.

– Местное или заокеанское?

– Я не знаю.

– Фамилия? – Он направил взгляд на список.

– Саба Таркан. – От волнения у нее забурлило в животе, и она пожалела, что съела на завтрак порошковую яичницу.

– Вы явились на час раньше, – сообщил сержант и уже мягче добавил: – Если хотите, можете подождать здесь.

Она уселась в старинное позолоченное кресло и стала разглядывать единственные красивые части интерьера – покрытый позолотой потолок и верхушки коринфских колонн, торчавшие из лабиринта наспех сооруженных кабинетов.

– Потрясающая красота, правда? – Перед ней остановился пожилой мужчина в зеленом вязаном кардигане; в руках он держал ведро и швабру. На его голове была фуражка с козырьком – головной убор швейцара. – Но сейчас мало что говорит о прежней роскоши.

Мужчина представился – его зовут Боб. Больше десяти лет он работал швейцаром в этом театре и любит его. И страшно переживал, когда год назад, во времена «блицкрига», крышу пробила 500-фунтовая бомба.

– Раз – и все, – сказал он. – Угодила прямо в оркестровую яму, пробила балконы. Пожарный занавес был будто смятый платок, кресла намокли, когда пожарники гасили огонь. Теперь мы постепенно наводим порядок.

Он поинтересовался у нее, как называется шоу, куда она хочет устроиться. Она ответила, что не имеет понятия – ее просто пригласили на прослушивание и указали время – половина двенадцатого, вот и все.

Насколько он может судить, сообщил он, понизив голос до шепота, она заменит певицу Эльзу Валентайн. Но пока тут сплошная неразбериха, тем более из-за новых осложнений на фронте. У них в одной Франции выпадают семьдесят пять процентов исполнителей, включая задние ноги пантомимной лошади.

– Так что не волнуйся, милая, – добавил он. – Они действительно скребут сейчас по донышку, ситуация тяжелая.

– Вы не очень деликатны, – обиделась она. Он подмигнул.

– Я пошутил, моя хорошая. Ты маленький бриллиант, не сомневаюсь.

К своей досаде, она смутилась. Младшая сестренка часто говорила, что в минуты обиды Саба напоминает раскаленную кочергу. Краска поползла по ее груди, шее, и вот уже запылало и лицо.

Потом Саба заполнила формуляры, дрожащей рукой написала имя, фамилию и род занятий. Часом позже она уже поднималась вслед за Бобом по мраморным ступеням. Когда они шли по полутемному коридору, старый швейцар знакомил ее с историей театра.

– Тут, милая, находилась комната, где Шеридан написал свою пьесу «Школа злословия». А вон там, – он распахнул тяжелые дубовые двери и показал пальцем на темную сцену, – там выступала Элинон Гвин, та самая «апельсиновая леди», фаворитка короля Карла II, которая поначалу работала разносчицей апельсинов в театре. Считается, что Нелли стала первой в Англии театральной актрисой, до нее женские роли исполняли мужчины.

– Гардеробная, – крикнул Боб, кивая на помещение, где стучали швейные машинки, лежали задники – декорации заднего плана из холста и бархата – и груды париков. – А вон там... – он остановился, приложил палец к губам и показал пальцем на темную комнату, – был найден труп. Самый знаменитый, – добавил он и, округлив глаза, прошептал: – Настоящий труп. Там, за сценой. Его призрак является по сей день и...

Не успел он договорить, как с его головы слетела фуражка.

– Скверный мальчишка! – Перед ними, позванивая браслетами, предстала роскошная блондинка лет тридцати. Она шутивно ударила Боба по затылку и чмокнула в щеку. Воздух наполнился ароматами роз и жасмина.

– Арлетта Сэмсон, провалиться мне на этом месте! – просиял старый швейцар. – Мне никто не сказал, что ты приехала.

– Прослушивание. Им следовало бы знать, что я в превосходной форме. Но, вероятно, слухи об этом еще не дошли до Лондона. – Она взмахнула руками, изображая шутливое удивление.

– Дай-ка мне твой ридикюль, девочка. – С радостной улыбкой Боб забрал у блондинки розовый кожаный чемоданчик для косметики. – Где же тебя носило, дорогая моя?

– Два месяца я работала в «Палладиуме», до этого в Брайтоне. А кто эта бедняжка, которую ты так безжалостно пугаешь?

– Саба Таркан. – Снова звякнули браслеты, когда блондинка пожала ей руку. – Я тоже приехала сюда на прослушивание.

– Ну, рада познакомиться. – Рука Арлетты была сильная и жесткая. – Сейчас я покажу тебе нашу примерную.

Саба шла за Арлеттой в шлейфе ее духов. Ночные страхи постепенно таяли. Вот оно, началось! Знаменитый театр, загадочный призрак, роскошная блондинка с походкой женщины-вампа, шуршание ее шелковых чулок. Она так небрежно, словно нечто само собой разумеющееся, упомянула «Палладиум». И скоро так или иначе решится будущее Сары...

– Вообще-то, Боб прав насчет призрака, – сказала Арлетта, когда они продолжили путь по длинному коридору. – Там был убит какой-то парень, не помню, когда это было... Вроде в шестнадцатом веке... Он крутил любовь с женой директора. Труп обнаружили под сценой во время ремонтных работ. Призрак является только днем и только тогда, когда представление успешное, так что мы все его любим. – Арлетта мелодично засмеялась. Сабе она нравилась все больше и больше.

– Сегодня его видели? – поинтересовалась Саба.

– Пока еще нет, милая, – ответил Боб. – Но еще увидим.

Гримерка располагалась в лабиринте полутемных и пыльных помещений, начинавшихся за сценой. Арлетта поставила перед зеркалом свой чемоданчик, зажгла свет и всмотрелась в свое отражение, проведя пальцами по бровям.

– Сколько они сегодня посмотрят?

– Семь или восемь, – ответил Боб.

– Неужели, милый? – удивилась Арлетта. – В прошлый раз было около сотни. Мы ждали весь день.

Боб заглянул в мятый листок.

– Угу, вот. Две певицы, три акробата, танцовщица и какой-то комик, имя не указано. Хотите чая, девочки? Чайник недавно вскипел.

– Какой ты умник! – воскликнула Арлетта. – Ты читаешь мои мысли.

– Ничего не понимаю, – озадаченно пробормотала она, глядя на дверь, захлопнувшуюся за Бобом. – Обычно на кастинге бывает минимум человек пятнадцать. Но ладно, как есть, так и есть. – Она села за туалетный столик, полный грязных пепельниц и засохших роз из каких-то древних букетов. – Они любят свои маленькие секреты. Значит, я могу спокойно посидеть перед зеркалом, пока не явились остальные. Ты не возражаешь?

– Делай как тебе удобно. – Саба повесила на крючок свое платье и с сожалением подумала, что на этот раз мама не поможет ей с гримом. Если бы не их размолвка, Джойс курила бы свои сигареты «Капстан» и непрестанно шутила. Прежде ей нравилось, что ее дочь – певица, и вот чем все закончилось.

– Тогда ладно. – Арлетта набрала полную грудь воздуха и внимательно вгляделась в зеркало. – Ой, сегодня я страшная, как черт, – бесстрастно заявила она. – Мне нужно основательно привести себя в порядок.

Она раскрыла розовый чемоданчик – там в несколько ярусов разместились стеклянные флакончики с кремами для лица, помада, тональные крем-карандаши, вата, разные щеточки,

небольшая палочка для взбивания волос, бигуди. Внизу, на дне, лежал светлый парик, похожий на спящего щенка.

Арлетта взяла крем и впала в легкий транс, нанося его маленькой губкой на высокие скулы.

– Абрикосовый сюрприз, – поведала она Сабе, – лучший из оттенков. Потом она нанесла кисточкой чуть-чуть пудры-румян Лейхнера и легкие блики под бровями и по верху скул. Взяла розовую пуховку из лебединого пуха и слегка припудрила нос, потом – «тьфу» – поплевала на засохшую тушь, раскрыла шире глаза и подчеркнула ресницы. В напряженной улыбке растянула губы, подвела их контуры карандашом, затем нанесла губную помаду «Макс Фактор».

– Дорогое удовольствие, – сообщила она Сабе все тем же бесстрастным голосом, – но стоит того. – Жирный красный круг, который она оставила на бумажной салфетке, напоминал кровь.

Драматичным жестом Арлетта сдернула с головы повязку, и ее волосы упали на плечи золотистыми волнами. Она что-то замурлыкала, поправляя пальцами кудри. Финальный, надменный взгляд в зеркало – и она прижала ладонью волосы с правой стороны головы и скрепила их золотой заколкой.

– Красивые у тебя волосы. – Саба не могла оторвать глаз от своей новой знакомой. Арлетта была самой шикарной женщиной, каких она видела в своей жизни, а в этой ее пантомиме не было ни малейшего тщеславия.

– Ой, видела бы ты меня в прошлом году! – Арлетта оскалила зубы, проверяя, не окрасились ли они помадой. – В Валетте – это на Мальте – я зашла в салон, и там мне сделали перманент. А утром я проснулась и обнаружила, что половина моих волос осталась лежать на подушке. Представляешь? Я чуть не умерла от разрыва сердца.

Они засмеялись. Тут распахнулась дверь, и в гримерку ворвался толстый старик в белых перчатках, во фраке и больших лакированных полуботинках.

– Что я слышу? Знакомый колокольчик смеха! – Он поднял свои нарисованные брови.

– Боже мой! Малыш! – Арлетта вскочила и крепко обняла старика. – Я и не знала, что ты здесь. Мне никто не сказал.

Это знаменитый Вилли Уайз, – сообщила она Сабе. – Он работал в Брайтоне в группе «Агли Систерс». Мы вместе ездили в Северную Африку и на Мальту. Верно, мой сладкий?

А эту красавицу, – добавила Арлетта, – зовут Саба Таркан. Ты кто, милая? Субретка?

Саба ответила, что ее, возможно, возьмут на место певицы по имени Эльза Валентайн. Ее собеседники вытаращили глаза.

– Ого! – воскликнула Арлетта. – Ну и ну, значит, ты хорошо поешь. До меня дошли слухи, что в Тунисе у нее был срыв.

Саба похолодела.

– Из-за чего?

– Ой, я не помню, – ответила Арлетта. – С такими, как мы, это часто бывает. Многие остаются на обочине. Это...

– Ладно. – Вилли поднял руку, останавливая поток ее слов. – Не надо списывать ее со счетов. Меня послали за вами обеими. Ну-ка, лыжи в руки, коньки под мышку и марш в зал. Скоро ваша очередь.

Они опять шли по полутемному коридору. Впереди них шествовал надменный, щеголевато одетый блондин.

– Да, мой дорогой, я вернулся, – говорил блондин своему спутнику в военной форме. – После ярких огней я чувствую себя кротом, но что поделаешь. – Его спутник что-то промямлил в знак сочувствия, а блондин томным жестом откинул со лба прядь волос. – Ох, она была

просто ужасна, – заверил он. – Ежеминутно жаловалась на все. И она отнюдь не настолько талантлива, как о себе возомнила.

Арлетта ткнула Сабу в бок и передразнила манерную походку блондина. Вот он открыл дверь зала. Сердце Сабы лихорадочно заколотилось. Ох, Иисусе Христе, Дева Мария и Святой Иосиф, что сейчас будет?! Ведь это сцена знаменитого Королевского театра! Через считанные минуты ее ждет триумф или позор. Когда ее глаза привыкли к полумраку, она увидела, что сцена, кое-как разгороженная для прослушивания, выглядела до обидного маленькой – не такой, как она себе представляла, а намного меньше. Огни рамп не горели, все казалось призрачным и жутковатым. «Но нет, это не имеет значения! Что бы там ни было, – сказала она себе, – но я до конца жизни буду помнить эти минуты. Сейчас я буду петь и танцевать на этой сцене, и это само по себе уже кое-что значит!»

Блондин чопорно свернул свой плащ и положил на кресло позади себя. Он курил сигарету и что-то настойчиво говорил трем мужчинам в военной форме, которые сидели в партере среди пустых рядов кресел. На многих креслах до сих пор оставались следы той роковой бомбежки – известковая пыль и мелкие обломки кирпича.

В четырех рядах от них сидела бледная девушка в балетных туфлях; ее пальцы судорожно сжимали черную сумку. Возле нее примостился старый комик, молчаливый и задумчивый.

– Ну что? Начинаем? – прозвучал из партера бесстрастный голос. – Сегодня нам нужно много всего сделать. Старина Вилли, ты первый. Давай!

Рядом с тремя мужчинами заняла место стенографистка с блокнотом. Зазвучала музыка – трубы, свистки и нелепые, потешные тромбоны. На сцену выскочил старина Вилли в своих лакированных туфлях и закричал:

– Ну, вот мы и приплыли!

Арлетта крепко стиснула руку Сабы, вонзив ногти в ее ладонь.

– Вилли просто необходимо, чтобы его взяли, – прошептала она в полутьме. – Несколько месяцев назад у него умерла жена. Они прожили вместе тридцать четыре года. Старик раздавлен горем.

Вилли неуклюже опустился на артритное колено и дрожащим голосом запел «Миссисипи»³³. Молчание аудитории показалось Сабе оглушительным – ни смеха, ни аплодисментов. Не имел успеха в партере и его следующий номер – коронный, как шепотом сообщила Арлетта: безнадежно искаженная версия детских стишков под названием «Крашенная Тапочка и Сорок Разбойников».

Зато Арлетта смеялась от души; к ней присоединилась и Саба. Вилли был действительно забавным.

После следующей шутки, про женское трико до колен и его полезные свойства – «раз – и его уже нет» – за оркестровой ямой встала призрачная фигура и спросила:

– Мистер Уайз, надеюсь, вы понимаете нашу линию в отношении пошлости?

– Простите? – Нервно моргая, старый актер подошел к рампе.

– В случае, если вас утвердят, вам придется давать нам на одобрение все сценарии. Мы четко знаем стандарты, по которым хотим жить. Надеюсь, вы тоже.

– Сэр, все своевременно и правильно. – Вилли стоял в синеватой дымке и напряженно улыбался. – Я понял предупреждение. – Щелкнув каблуками, он отсалютовал; трудно было понять, то ли он сделал это в насмешку, то ли просто от испуга.

Бледная девушка встала с кресла, сняла твидовое пальто и осталась в балетной пачке цвета морской волны. У нее оказались длинные ноги и замечательно красивые руки. Она

³³ «*Ol' Man River*», автор – Джером Керн.

порхнула на яркий свет и встала на сцене, вопросительно подняв очень тонкие брови. На ее бледном лице застыла напряженная улыбка.

– Янина де Вер. Я из Уэллс-Садлера, может, вы помните? – В ее звучном голосе слышались слабые следы Манчестера.

– Чем вы нас порадуете, мисс де Вер? – прозвучал вопрос из партера.

– У меня обширный репертуар, в нем есть и чечетка, и греческие танцы. Я очень многосторонняя танцовщица.

– Ох ты какая, – пробормотала Арлетта.

– Что ж, пожалуй, что-нибудь короткое. Не будем тратить время.

Мисс де Вер прокашлялась и встала лицом к кулисам. С заискивающей улыбкой кивнула женщине в военной форме, и та опустила иглу на граммофонную пластинку. Зазвучала надрывная и слащавая мелодия. Танцовщица прыгала по сцене, кружилась вихрем, с легким топотом пробежала вдоль края сцены, держа ладони над глазами, словно отчаянно кого-то искала. Руки, длинные и тонкие, шевелились, словно морские водоросли. В завершение своего номера она выполнила серию безупречных сальто, испачкав ладони пылью, села на шпагат и направила полный триумфа взгляд за огни рампы.

– Неплохо. Благодарю вас. Следующий, – прозвучал из партера все тот же бесстрастный голос.

– Саба Таркан. Пожалуйста на сцену. Скорее! Поторопитесь!

Доминик, незаметно пробравшийся на верхний ярус театрального зала, встрепенулся, напряг зрение и направил его на певицу. Сестра передала ему слова Сабы, но он оставил их без внимания – ему хотелось еще раз послушать, как она поет. А еще он хотел доказать себе – кому же еще? – что сможет добиться ее, если захочет.

Он попал в театр, сунув полкроны добродушному швейцару, и тот пожал ему руку и сказал: «Мы многим вам обязаны, парни». В бумажнике лежало ее письмо, в котором она написала, что рассчитывает приехать 17 марта на прослушивание в Королевский театр на Друри-Лейн.

Саба прошла между рядами кресел и поднялась на сцену. Со спины она в своем красном платье казалась очень юной и хрупкой, и Дом снова восхитился ее фантастически прекрасной осанкой и гордой поступью. Такая манера держаться сама по себе говорила о многом – мол, поглядите на меня, я достойна вашего внимания.

Он уже слышал ее смех, громкий и заразительный, когда выступал старый комик. Если она и робела перед своим номером, то явно не хотела это показывать.

Его она не видела. Она стояла в неярком круге света, улыбалась темным силуэтам в партере и думала: «Вот он, этот миг». Хмурый аккомпаниатор взял ее ноты. Она прокашлялась, и в этот момент ей почему-то вспомнился Карадок Джонс, ее старый учитель пения. Он дал ей много советов, как раскрыть глотку, как расслабиться и вытянуть высокие ноты. «Я хорошо тебя учу, – говорил он. – Тебе не придется беспокоиться за свою диафрагму и дыхание, все у тебя получится». Но чаще всего, помимо обучения технике пения, он внушал ей, что певица не должна робеть и что храбрость – залог успеха.

Она пришла к нему в тринадцать лет, хорошенькая и робкая, но уже знавшая себе цену – до этого она уже победила на двух конкурсах пения, которые устраивал молодежный клуб в Риверсайде. Тогда она прошептала «О, крылья голубки», не сомневаясь, что учитель восхитится ею так же, как и остальные.

Но толстый и неопрятный Карадок, в прошлом, до запоев, знаменитый оперный певец, не выразил ни малейшего восторга. Он немного послушал ее и спросил:

– Знаешь, что общего у всех плохих певцов?

Когда она ответила, что не знает, он захлопнул крышку фортепиано и встал.

– Они поют вот так... – Он сдавленно замыкал, словно тонущий котенок. – А я хочу, чтобы ты делала так... – Он оскалил желтые зубы, раскрыл огромный рот, оттянув назад язык, и испустил такой великолепный рев, что забрызгал слюной и Сабу, и свой клетчатый жилет, вечно посыпанный пеплом. – Ради Христа, девочка, наберись храбрости и исправь свою ошибку, черт побери. – Где-то рядом ахнула мать: «Ругаться! При ребенке!» – Иначе ничего хорошего не получится.

...Пианист заиграл первые негромкие аккорды песни «Господь, благослови дитя». Саба собралась с духом, стараясь не глядеть на бледные и усталые лица сотрудников ЭНСА и на скучающую стенографистку, и запела. На долю секунды она вобрала в себя огромный зал с пробитым бомбой потолком, на котором кое-где уцелела позолота, с рядами пустых кресел, прониклась магией и славой знаменитого театра, а потом вся растворилась в песне.

Допев до конца, она взглянула на аудиторию и не увидела в ней никакого движения. Только Арлетта подняла кверху оба больших пальца и зааплодировала.

Дом, испуганный и сбитый с толку, тоже сидел и слушал. Его сердце учащенно билось. В тот первый раз, когда Саба пела в госпитале, он был страшно уязвим, его жизнь была почти что на нулевой отметке, а от Сабы так приятно пахло яблоками, и вся она была такая юная и красивая.

И вот она снова пела, на этот раз на старинной сцене, рискуя всем, в отчаянном порыве – или, может, так ему почудилось? Такая смелая, такая чистая, она собралась с духом и как бы метнулась в полутемный зал, где с карандашами и блокнотами сидели эти скучающие мужчины в мундирах цвета хаки.

Там, в одиночестве, на темном балконе он испытывал жуткую опустошенность. Как глупо с его стороны, что он написал ей – ведь она принадлежала всем и не принадлежала никому. Но вот опять она затронула в нем какую-то грубую часть его натуры, которую он обычно старался прятать поглубже. И хотя он всегда знал, что не любит Аннабел или любит недостаточно сильно, его все же потрясла ее измена, нанесла удар по его самолюбию. Он остро чувствовал, как все вокруг изменчиво и ненадежно.

– Мисс Таркан, у вас есть что-нибудь еще? – спросил кто-то из комиссии. Тогда она спела «Туман застилает твои глаза» и услышала, как стенографистка тихонько всхлипнула. После этого в ее душе зашевелилась надежда на то, что после всех треволнений, может, все закончится благополучно.

Она исполнила последнюю песню, «Мази»³⁴, и, допев, со слезами на глазах посмотрела в партер. Этой песне ее научила Тан; они с отцом пели ее во дворе.

Один из безымянных мужчин встал, достал платок и вытер лысину. Потом искоса взглянул на Сабу, словно на неодушевленный предмет.

Пианист улыбнулся впервые за весь день.

– Сейчас перерыв на ланч, – объявил лысый. – В три мы посмотрим «Банановых Братьев», потом Арлетту. В четыре мы опять встретимся с вами и сообщим наше решение.

Они перекусили в «Сиде», скромном кафе с запотевшими окнами, среди посетителей в военных мундирах. Комплексное меню включало в себя крепкий чай в массивной белой чашке, котлету из говяжьей солонины с сероватым картофельным пюре, консервированный зеленый горошек и вместо пудинга слоеное пирожное с кремом. Во время ланча явились «Банановые Братья» – поджарые атлеты лет сорока.

³⁴ Турецкая песня «*Mazi*».

– О-го-го, какие люди! – воскликнула Арлетта; казалось, она знала всех. – Вы только поглядите, кто пришел! – Она расцеловала в щеки всех «братьев» и познакомила их с Сабой.

– Это Лев, а это Алекс. – «Братья» галантно поклонились. – А этого малыша, – она показала на парня помоложе, с крашеными, невероятно черными волосами, – зовут Богуслав. – Он театрально опустил веки и поочередно поднес к губам руки Арлетты и Сабы. – Но ты все равно не запомнишь, – добавила она. – Так что зови его Бога, или Боггерс, или Бога Браш.

Арлетта пояснила Сабе, что они когда-то работали вместе в Бристоле, в пантомиме.

– И они вели себя там кошмарно. – Прищулив зеленые глаза, она взглянула на них словно львица, собирающаяся ударить лапой своих львят. Акробаты усмехнулись, им это нравилось.

Бога был красивым парнем с волевым подбородком и выпуклыми мышцами, какие чаще можно видеть у породистых лошадей. Он сел возле Сабы и заправил за воротник салфетку. Когда подошла официантка, он заказал кусок фруктового пирога, но отказался от говяжьей котлеты, пояснив, что они показывают после ланча свой номер, а он не любит делать что-либо на полный желудок. При этом он заглянул в глаза Сабе, словно намекал на что-то еще.

Арлетта налила всем чай из закопченного эмалированного чайника.

– Я надеюсь, что мы все пройдем, и надеюсь, что нам светит Мальта, – сказала она. – В прошлый раз там было приятно.

– Так вы никогда не знаете, куда вас направят? – Саба положила нож. Она пыталась не подавать вида, что робеет.

– Никогда, – подтвердила Арлетта. – Это всегда полная неожиданность, что мне и нравится.

Акробаты ушли. Арлетта, подлив себе чая, шепотом посплетничала на их счет. Они из Польши. Лев и Бога действительно братья. Почти вся их семья погибла. Иногда они напились и проклинали немцев, так что при них лучше не вспоминать о семьях, если только они не заговорят об этом сами. Младший из братьев, Богуслав, большой бабник – у него было одновременно две подружки из театрального Пудинг-клуба, она точно знает. Его не забрали в армию из-за молоткообразных пальцев стопы, хотя как можно работать акробатом с таким дефектом – полная для нее загадка. Но они никогда не упоминали об этом, она узнала совершенно случайно. Ха-а-ха! Арлетта весело болтала, откусывая пирожное. Еще она сообщила Сабе, что перед прослушиванием на нее обычно нападает хандра, но это как раз то, что ей нужно.

– ЭНСА – самая замечательная организация на свете, – добавила она. – Тут не соскучишься. Надо работать без дураков.

– Ты нервничаешь? – спросила Саба.

– Не очень, – отмахнулась Арлетта, достала платочек, стерла помаду с края чашки и кокетливо добавила. – Я более-менее знаю, что меня возьмут.

– Откуда ты знаешь?

Арлетта подперла языком щеку и, прищурясь, посмотрела на Сабу.

– У меня есть друзья там, наверху, – скажем так.

Глава 5

Дом провел часа два возле служебного входа в ожидании Сабы. За это время швейцар, сидевший за стеклянной перегородкой, прочел с начала до конца газету «Спортинг Лайф». Мимо проносили ящики с бутафорией, ворох сценических костюмов. Слышались обрывки фраз. «Я работала с Мейбл несколько лет назад, она прелесть, но – увы – любит рукава с пуфами, вообрази!» – громогласно говорила дама средних лет с крашеными волосами. Или: «На твоём месте я бы пошла в костюмерную», – это сказала жеманная коротышка в клетчатом пальто.

И тут появилась Саба. Она словно порхала в воздухе. На её лице блуждала улыбка, на щеках горели яркие пятна. Начинался дождик. Прохожие, одетые в чёрные и коричневые пальто, раскрывали зонтики.

Она шагнула на тротуар и очутилась прямо перед Домом.

– Я Доминик, – сообщил он. – Я жду вас.

– Ждете? Меня? – Ничего не понимая, она нахмурилась, но вскоре её лицо прояснилось.

– Господи, – сказала она. – Я ведь видела вас тогда в пижаме и теперь не узнала. Вы выглядите как новенький.

Такие же слова сказала при встрече и его мать, и так же неискренне.

– Слушайте, мне жаль, что сегодня так получилось, – добавила Саба, краснея. – Слишком много событий для одного дня. Я в первый раз в Лондоне.

– А я в первый раз получил отказ. – Он сказал это как бы в шутку, но так оно и было. Почти что так.

– Вот и поделом вам! – насмешливо заметила она и улыбнулась. Ему снова вспомнился их поцелуй в госпитале.

– Вы торопитесь? Может, я угощу вас чем-нибудь? Например, чашечкой вкусного какао? – Ох, эти правила приличия, никуда от них не деться, даже если твоё сердце стучит как африканский там-там. «Спокойно!» – сказал он себе. – Попытка не пытка».

Пока она обдумывала его слова, он уловил в её глазах лихорадочный блеск, словно она плыла над землей и не знала, куда попадет.

– Что ж, ладно, – согласилась она после короткой паузы. – Я умираю с голода. До прослушивания я ужасно нервничала, и мне не лез кусок в горло. – Он коснулся её руки, предупреждая об автомобиле, который промчался совсем близко и мог её задеть. Она продолжала тем же мечтательным голосом: – Я просто не могу поверить в свою удачу. Это словно сон. Я честно не знаю, что мне делать.

Им пришлось идти пешком. Был час пик, и автобусы были переполнены. Дом предложил пойти на Стрэнд в клуб «Кавур». Дождик усилился. Дом снял с себя шинель и накинул Сабе на плечи.

Вскоре она захромала – новые туфли натерли ей ноги. На середине Риджент-стрит она села на скамейку и сняла правую туфлю. На пятке вздулась водяная мозоль. Темные волосы Сабы намокли от дождя и прилипли к голове, отчего лицо с высокими скулами и острым подбородком казалось треугольным. Вокруг шумел Лондон. Девушка куталась в массивную шинель и казалась такой беззащитной. Дом рассматривал потертости на её маленькой ножке. Ох, как ему хотелось поцеловать каждое покраснение, чтобы они скорее зажили! Но вместо этого он лишь слегка дотронулся до её ступни ладонью.

– Дело плохо, – сообщил он. – Надо срочно лечь в больницу. Для ампутации. Поехали?

Она размахнулась и ударила его по голове сумочкой.

– Идиот! Насмешник! – Его восхитила такая непосредственность. Ему никогда не нравились юные леди с их жемчужными бусами, сумочками на коленях, чинными разговорами о лошадях, мамочках и званых обедах. Откуда у нее такой темперамент? Казалось, из нее било электричество.

– Честное слово, какой день! – сказала она и повторила: – Какой день! Так все замечательно!

Официант принял их заказ: полпинты биттера для него и бокал лимонада для нее, а также любые сэндвичи, какие найдутся на кухне. Дом попросил усадить их как можно дальше от бара, чтобы шум не мешал их беседе.

– Ты точно отказываешься от шампанского? – спросил он.

– Что ж, пожалуй, могу и выпить, – спокойно отозвалась она. – Я ведь устроилась на работу. Завтра у меня примерка военной формы.

После этих слов она, казалось, слегка занервничала. Еще она добавила, что весь завтрашний день у нее занят и что, вообще-то, она никогда еще не ходила в ресторан с незнакомыми мужчинами.

– Я не незнакомец. Не забывай, – весело напомнил он, скрывая разочарование, – что мы уже целовались. Разве не помнишь? В госпитале.

Она мило засмущалась и порозовела. Он заметил, что она на всякий случай отодвинула подальше ноги, чтобы он не начал хватать ее за коленки.

– Где ты живешь в Уэльсе?

Краска сошла с ее щек, они снова обрели свой бледно-медовый цвет.

– В Кардиффе. На Помрой-стрит. Возле знаменитого залива Тайгер-бей. – Теперь она уже дразнила его.

– А твои родители? Они тоже певцы? Они имеют какое-то отношение к вокалу?

– Нет. – Ему показалось, что по ее лицу словно пробежала тень грусти. Еще он отметил, какие у нее красивые брови – темные крылья над черными глазами; таких он не видел ни у кого.

– Я ничуть не удивлен, что тебя приняли, – сказал он, надеясь ободрить ее. – Ведь ты достаточно хорошо поешь... Я и в театр пришел для того, чтобы сказать тебе это.

– Достаточно хорошо. – Она пронзила его взглядом. – Ты просто кривишь душой. И вообще, ты даже не слышал меня толком, так что не можешь судить.

– Слышал-слышал. Я подкупил швейцара. Хотел увидеть твоё выступление. – Теперь ему было нечего терять.

Она насмешливо сощурилась и с подозрением взглянула на него.

– Зачем?

– Потому что... – Он сделал глоток пива. – Потому что... – Он закрыл глаза и подумал: «Держись-держись». Меньше всего на свете он хотел утратить контроль над ситуацией. – Потому что ты молодец.

– Ой, ты говоришь как рядовой Джо из Штатов, весь из себя правильный, – фыркнула она.

– Расскажи мне про твою будущую работу, – попросил он. Ему очень хотелось взять ее за руку, хотелось, чтобы она осталась в Лондоне на пару недель. Тогда они могли бы встречаться. – Тебе известно, куда и когда тебя направят?

– Нет. – Она по-прежнему казалась слегка испуганной, словно внезапно проснулась после удивительного сна и ничего не могла понять. – Но если бы и знала, мы все равно не имеем права говорить. Нам лишь сказали, что нужно сделать все прививки – ну, знаешь, от холеры, малярии, лихорадки и тифа.

Сказав это, она испугалась. Ведь она лишь делала вид, что не волнуется. Дом ясно видел, что это не так. У него сжалось сердце. Значит, вероятнее всего, Ближний Восток, где обстановка накаляется, либо Индия, либо Бирма, у черта на куличках.

– Жалко, а я-то надеялся, что ты останешься где-нибудь на пирсе в Саутенде, чтобы мы могли повторить это.

– Повторить что? – Когда она улыбалась, на ее щеках появлялись прелестные ямочки.

– Ну, встретились бы снова, поговорили, посмеялись.

Она задумчиво посмотрела на него и отпила немного лимонада.

– Так ведь мы не...

Он поскорее перебил ее.

– Ты впервые отправишься за границу?

– Да.

– Родители знают?

– Нет. – Она крепко зажмурилась.

После ее слов в нем проснулся заботливый дядюшка. Ему захотелось отругать ее, предупредить об опасностях, подстерегающих ее впереди. О мужчинах, которые захотят ее соблазнить, о скверных кроватях, кусачих насекомых, о рискованных перелетах и вездесущих бомбежках.

– Они против такой твоей работы? – с надеждой поинтересовался он.

– Известие об этом разобьет их сердце, – призналась она и поморщилась, склонив голову над бокалом. – Я думала, что смогу поехать домой и повидаться с ними до отъезда – я обещала маме, – но теперь, похоже, ничего не выйдет. Нет времени. Это ужасно. – Она крепко зажмурилась. – Давай поговорим о чем-нибудь еще.

Бар наполнялся. Бармен перечислял свои коктейли – «Сингапурский слинг», «Белая дама», «Капитанский чай» – группе армейских офицеров. Дом глядел через стол на Сабу, и его мозг силился что-то осмыслить, усвоить. Для него это была незнакомая территория.

– Я знаю, каково это, – проговорил он наконец. – Я опять летаю, а мать еще не знает об этом. На той неделе я съезжу домой и скажу ей.

– Зачем? – Тут испугалась она. – Ведь тебя уже однажды сбили. Ты имеешь право отказаться.

– Я не хочу отказываться.

– Почему? Разве тебе не страшно?

– Нет. – Нельзя признаваться, что ты боишься, даже самому себе. – Я не могу отказаться. Мне кажется, что я рожден для того, чтобы летать, – только пусть это не звучит так пафосно.

Теперь она впиалась в него взглядом.

– Нет, не пафосно, – возразила она. – Круто.

Ее руки лежали на столе. Руки школьницы – без колец, без лака на ногтях.

– Ты уже поправился и можешь летать?

– Угу. – Ему не хотелось говорить на эту тему, тем более с девушкой. – Я совершенно здоров.

– Откуда это известно?

– Мне делали рентген, крутили на кресле – проверяли вестибулярный аппарат. Признали меня годным к полетам.

Она пристально смотрела на него.

– Мне понравилось стихотворение, которое ты прислал.

Он ужасно смутился.

– Боже, неужели я отправил его тебе? – В тот день он выписал это стихотворение, а когда Мису вошла в комнату, по-видимому, по ошибке сунул его в конверт.

– «...а дальше – хоть потоп. Но целый час я в этом золоте ее горел и жил...» – мечтательно произнесла она. – Так хорошо сказано. Иногда для радости достаточно и солнышка на час³⁵.

– Вообще-то, позже автор переделал это стихотворение – написал, что две недели лучше, чем один час.

На ее щеках снова обозначились ямочки.

– Дом, я пошла! – Она сказала это игриво, словно они были детьми и играли в салки.

– Да, я тоже. Позволь мне проводить тебя до дома, – сказал он. – Вообще-то, я мог бы помочь тебе собрать чемодан или пришить к твоей форме знаки различия. Между прочим, я неплохо умею обращаться с иглой.

– Нет-нет. – Она спрятала лицо в ладонях.

– Ну, тогда можно выпить чашечку кофе. – В кармане шинели лежала початая бутылка виски – на всякий случай.

– Я не могу. – Она дотронулась до его руки. – Я хочу там работать. Я так решила, как только они предложили мне. Теперь меня ничто не остановит.

– Знаю. – Он все понимал. К сожалению.

Она выложила из сумочки ключ от своего номера на Боу-стрит. Он подумал, что хозяйка отеля выказала Сабе доверие, дав ключ с собой, – Лондон есть Лондон. А еще он подумал, что им было бы так легко прокрасться вдвоем по лестнице – ведь с началом войны все старые правила приличия утратили смысл.

– Саба.

– Что?

– Дай мне знать, где ты находишься, когда получишь все допуски.

Она хотела что-то ответить, но ее прервал официант. Он с улыбкой обратился к ним и, посмотрев на крылышки на форме Дома, поинтересовался, из какой он эскадрильи. Официант также сообщил, что администрация заведения сочтет за честь предложить ему и его уважаемой спутнице коктейль за счет заведения. Храбрые летчики заслуживают такой услуги. После беспечного отнекивания Дом, к стыду своему, все-таки был польщен, что оказался в центре внимания в присутствии Сабы, и рад, что избежал от неловкой темы – его состояния здоровья. Ему больше не надо было злиться и оправдываться, словно маленькому мальчику, которому велели снять штаны.

Они заказали «Сингапурский слинг». Она пила коктейль и морщила нос, словно маленький котенок, намочивший в воде лапку. Она и наполовину не была такой умудренной жизнью особой, какой хотела казаться.

Когда ее бокал наполовину опустел, у нее снова зажглись глаза. Возможно, снова подумала о предстоящей работе. Внезапно на него нахлынула грусть. Он встал и, сделав вид, что хочет поторопить официанта, как можно небрежнее направился к бару.

Внезапно из полумрака возникла хрупкая женская фигурка и встала перед ним. Джилли, невеста Джеко. Уже потом он сообразил, что она обязательно пришла бы сюда в поисках забвения или новых страданий, но в тот момент они с удивлением смотрели друг на друга, как актеры из разных пьес. На Джилли было голубое платье с маленькой крылатой брошкой РАФ³⁶, которую когда-то подарил ей Джеко. Она заметно похудела.

Он ожидал, что она обиделась и сделает вид, что не замечает его, но она крепко его обняла.

– Дом, – она крепко, до боли, сжала его руку, – ты поправился? Как дела?

– Все нормально, – пробормотал он. – А у тебя?

³⁵ Цитирует «Erat Noga» Эзры Паунда (в пер. Ю. Качалкиной).

³⁶ Royal Air Force, или (сокр.) RAF (РАФ), – Королевские ВВС.

– Ужасно, – призналась она и снова обняла его за шею. – Я пыталась найти тебя на похоронах.

– Правда? – Тогда он весь день избегал ее, ничего не мог с собой поделать. – Я быстро ушел, надо было. Извини, что не подошел к тебе.

После похорон он спрятался в кустах за кладбищем, его рвало. Он не сомневался, что она винит во всем его. Кто еще уговорил Джеко летать, а потом смеялся над ним? Это было за неделю до его гибели. Славная получилась шутка, Дом, одна из самых удачных в твоей жизни.

Джеко отчаянно кричал за прозрачным плексигласом фонаря, когда кабина была охвачена пламенем. Потом его самолет рухнул с высоты вниз.

– Мне так не хватало тебя.

– Правда? А я...

– Но сейчас я не могу долго с тобой говорить. – Она взяла его за руки, и Дом заметил, что она чуточку пьяна, но не осудил ее за это. – Я тут не одна.

Из кабинки вышел высокий парень. Джил дотронулась ладонью до щеки Дома и сказала:

– Как замечательно, Дом, что мы с тобой повидались. Ты выглядишь как новенький. Да, мне было тебя жалко, когда я узнала про Аннабел... Приходи к нам, выпьем вместе. – У нее слегка заплетался язык. Ее новый парень нахмурился и обнял ее за талию.

Дом постоял в нерешительности, а когда повернулся, то увидел, что Саба ушла. Во время разговора Джил обнимала его, и Саба это видела. На их столике стояли недопитые коктейли. Рядом стоял официант.

– Вы видели, куда ушла моя спутница? – спросил Дом.

– Да, сэр. По-моему, она забыла вот это. – Официант наклонился и достал из-под столика синее пальто. Дом схватил его и выскочил на улицу.

Совсем стемнело. Тротуар был мокрым после дождя. Дом рысью одолел весь путь до Королевского театра, волнуясь, как Саба найдет дорогу в незнакомом городе. Он хотел вернуть ей пальто и попрощаться по-человечески. Но ее нигде не было. Мимо текли людские толпы. Ни фонарей, ни звезд. Статуя Эроса на Пикадилли была закрыта от бомб дощатым коробом.

Когда он подошел к театру, знакомый швейцар, которого он подкупил днем, стоял под мокрым брезентом.

– Привет, приятель, – сказал швейцар. – Мерзкая погода, верно? Если хочешь, заходи.

– Мне надо отыскать Сабу Таркан, – сказал Дом. – Сегодня она была на прослушивании. Вот у меня ее пальто.

– Я не знаю ее, сэр. К нам каждый день приходят сотни актрис. Если хочешь, оставь пальто в театре. Может, она спохватится и вернется за ним.

– Нет-нет. У меня есть ее домашний адрес, – внезапно вспомнил он. – Я отправлю пальто почтой.

На поиски Сабы у него не оставалось времени. Утром он уезжал на несколько недель на тренировочные сборы.

– Вы не знаете, куда пошлют труппу? – небрежно поинтересовался Дом, достав из кармана еще полкроны.

– Понятия не имею, сэр. – Швейцар посмотрел на дождь, на мокрых прохожих, на Лондон, готовившийся к очередной ночной бомбежке. – Впрочем, по моим предположениям, я бы искал их в Африке.

Глава 6

У нее не было времени, чтобы поехать домой и попрощаться с матерью и бабушкой. После прививок и трехдневных репетиций Сабе выдали в ЭНСА военную форму. Форма показалась ей ужасной: цвета хаки, как и форма АТС³⁷ с эмблемой на плече. А к ней три сорочки фирмы «Aertex», два ужасных лифчика и несколько огромных панталон – все тоже цвета хаки.

Когда Саба спросила у Арлетты, куда, на ее взгляд, их направят, та ответила, что такие сорочки означают – в жаркий климат, но трудно сказать, куда конкретнее. Это могут быть аэродром, военная база в пустыне, могут быть Мальта или Каир.

– Отныне, дорогая моя, – сказала она, – считай себя маленькой пешкой в военной игре больших дяденек. Ты ничего не будешь знать до последней минуты, а если попытаешься как-то в этом разобраться, то у тебя быстро поедет крыша.

После томительного ожидания и бесчисленных чашек чая на следующей неделе в четверг Саба, Арлетта и Янина получили приказ собрать легкую сумку и никому не говорить о своем отъезде. Их семьи поставят в известность, когда это будет безопасно.

Они прождали целый день и половину ночи. Наконец, к Королевскому театру подъехал темный автобус, похожий на призрак. В него погрузили коробки с бутафорией и костюмами, потом в него вскочили и актрисы. Саба с удивлением обнаружила, что автобус наполовину пустой. Возле шофера сидел сотрудник ЭНСА – важного вида мужчина с усами, небрежной улыбкой и кожаным офицерским стеклом. Он сообщил, что его зовут капитан Кроули и что он отвечает за их безопасность и благополучие. Рядом с ним бледный молодой солдат разглядывал при свете фонарика карту.

Акробаты сели позади, комик Вилли рядом с Арлеттой, бледная как смерть Янина – впереди. Саба устроилась в середине автобуса и положила на сумку ноги, непривычные к новой, грубой обуви. Автобус выехал за город, и вокруг стало совсем темно. Кроули раздал всем по картонной коробке и предупредил, чтобы они не спешили с едой – неизвестно, когда они прибудут на место. В коробке оказались два черствых бутерброда с сыром, крошечная плитка шоколада и бутылка воды.

В четыре часа утра самолет коснулся колесами узкой бетонной полосы на краю пустыни. На темном небе сияли мириады звезд! Таких ярких Саба еще никогда не видела.

– Северная Африка, – шепнула Арлетта еще перед посадкой. – Я слышала разговор пилотов.

Как хорошо было снова вдохнуть полной грудью свежий воздух, хотя он был на удивление холодным и вонял нефтью. Они стояли на краю летной полосы. Ветер гнал по бетону кривые струйки песка. Невесть откуда появился грузовик с брезентовым верхом; в нем сидели два британских офицера с пистолетами в кобуре. Они покрикивали на мужчин, одетых в нечто похожее на длинные ночные рубашки, – те бросились к самолету и проворно выгрузили переносную сцену, генератор и под громогласные инструкции Вилли «Э-э-э... осторожней! Тише!» его футляр с гавайской гитарой укулеле.

Их продержали на аэродроме несколько часов, пока разбирались с документами. Стало совсем тепло, когда грузовик тронулся, подняв тучи пыли. Саба сидела в кузове у заднего борта и смотрела через откинутый брезент на непривычный пейзаж. По ее спине

³⁷ Auxiliary Territorial Service, или (сокр.) ATS (ATC), – женское добровольное подразделение британской армии.

бежали мурашки удивления. Насколько хватало глаз, по обе стороны от дороги простиралась пустыня. На востоке пылала кроваво-красная заря.

Арлетта спала, уронив голову на сумку. Ее волосы рассыпались по плечам, упали на колени Сабы.

– На твоём месте я бы немного вздремнула, – посоветовала она перед этим. – Если мы поедем на юг, то это надолго. Возможно, мы будем ехать несколько дней.

Но Сабе было не до сна, она была слишком взбудоражена. В самолете ее трижды тошнило, а когда они взмывали над облаками и ныряли вниз, когда их трясло и болтало, она ужасно жалела, что не смогла попрощаться с мамой и Тан; у нее внутри поселились пустота и боль, настоящая физическая боль, словно от удара. Но теперь! Ах... в ее душе расцветала надежда. Да, это жизнь! Вот зачем она прилетела сюда. Это самое замечательное приключение в ее жизни.

Грузовик промчался по заброшенному аэродрому, обрамленному колючей проволокой и ржавыми остовами летательных аппаратов. Потом по обе стороны прямой, как стрела, дороги снова раскинулась пустыня. На востоке песок казался темным и волнистым, словно море, а местами напоминал пережаренный омлет. Вот мимо проплыли песчаные дюны, высокие, словно холмы у них в Уэльсе. Потом промелькнуло озеро, красное, как рубин, в лучах восходящего солнца. Поразительная страна, в которой все съезживается в размерах. Даже их трескучий грузовичок кажется маленьким и несерьезным, будто детская игрушка. Какое облегчение ехать по бескрайнему простору – после тесного самолета.

...Когда Саба проснулась, они проезжали через небольшую деревню с плоскими глинобитными хижинами. Возле одной стоял мужчина и кормил осла пучком ярко-зеленых листьев. Женщина пришла за водой на колодец и, загородив глаза ладонью, глядела на грузовик.

Солнце невыносимо жгло глаза, по телу лился пот. Сиденье нагрелось так, что больно дотронуться. Капитан Кроули, уже переодевшийся в шорты защитного цвета, в этот момент что-то объявлял. Янина, сидевшая справа от капитана, старательно слушала, словно лучшая ученица на уроке хороших манер. Старина Вилли мотал головой и был похож на утомленного бульдога.

– Где мы сейчас едем – вас не касается, – рявкнул Кроули. – Сообщаю следующее: мы рассчитываем прибыть в Каир примерно в тринадцать ноль-ноль. Вы, девушки, разместитесь на улице Шария Ибрагим-паша, прямо за нашей конторой. А вы, парни, – обратился он к мужчинам, – временно поживете в ИМКА.

Те слишком устали от дороги и жары и поэтому воздержались от шуток по поводу разлуки с дамами. Вилли – тот вообще позеленел от изнеможения. Арлетта шепнула Сабе, источая ароматы парфюма, что у старика были проблемы с сердцем к концу его предыдущих гастролей, но он это скрывал. Она добавила, что Вилли – выносливый, как старый ослик, что он признает лишь доктора Огни-Рампы, что он все равно откинёт копыта на сцене и для него это, пожалуй, будет лучший вариант ухода в мир иной.

– Приблизительно в шестнадцать ноль-ноль, – продолжал Кроули, – при условии, что нам удастся организовать транспорт, мы снова заберем вас и отвезем в нашу штаб-квартиру на улице Шария Каср-эль-Нил. Если нет, доберетесь туда на такси или извозчике. В штаб-квартире вы прослушаете инструктаж насчет мер безопасности, узнаете расписание репетиций и концертов. Предупреждаю, что отныне у вас начнется тяжелая жизнь, не похожая на пикник, но, по крайней мере, мы какое-то время не будем летать. – Тут он сурово взглянул на Сабу, словно говоря: «Слушай, девочка с тремя пакетами блевотины, я надеюсь, что ты поняла мой намек».

Грузовик замедлил ход; они подъехали к скопищу выгоревших палаток. Это был настоящий маленький город. Несколько британских солдат остолбенели, когда Арлетта, уже причесанная и покрашенная, величественно помахала им рукой. Потом худые лица парней расплылись в улыбке и тут же скрылись в облаке пыли.

— Эти бедняги неважно выглядят, — заметил подсевший к ним Вилли.

— Неудивительно, — спокойно сказал Кроули. — Война тут долгая и тяжелая, а впереди будет еще хуже.

В Каир они приехали, присыпанные тонкой белой пылью. Солнце светило так ярко, что Сабе казалось, будто ее глаза съезжились в своих орбитах.

Они разместились на верхнем этаже бывшего отеля, переделанного в квартиры, грязноватого, длинного здания с маленькими ржавыми балкончиками из кованого железа.

— Ну и дыра, — недовольно пробормотала Янина, оглядываясь по сторонам.

Старый египтянин в джеллабе встретил их широкой улыбкой. Его зовут Абел, сообщил он на ломаном английском; если им что-то нужно, он к их услугам. Любуясь на его стоптанные сандалии и треснувшие пятки, они поднялись за ним следом на второй этаж, и там он остановился возле двери с надписью «Для женщин». Зайдя внутрь, он с гордостью показал им крошечную, полутемную ванную с древней водонагревательной колонкой и потрескавшимся унитазом, на крышке которого стояла огромная бутылка средства от насекомых.

Этажом выше располагалась их маленькая квартирka с прохладным кафельным полом. Гостиная с темной старомодной мебелью и выцветшими литографиями выходила на маленький балкончик со ставнями, покрытыми затейливой резьбой. Египтянка принесла стеклянную вазу, в которой лежали три апельсина и три банана. У Сабы потекли слюнки, она не ела бананов с начала войны.

— Шукран, — поблагодарила она женщину. — Какие красивые фрукты. — И по-арабски добавила: — Очень приятное место.

— Провалиться мне на этом месте! — воскликнула Арлетта, когда женщина ушла. — Где ты научилась говорить на языке черномазых?

Янина, усевшаяся на краешке плетеного диванчика, нога на ногу, тоже пораженно взглянула на Сабу, словно та совершила какую-то серьезную оплошность.

— Я выросла в Кардиффе возле залива Тайгер-бей, — объяснила Саба. — На нашей улице жили арабские семьи. Я дружила с девочками. Между прочим, это арабский.

— Что делали арабы на вашей улице? — Янина томно опускала веки, когда говорила.

— У нас жили люди разных национальностей. — Саба уже испытывала к ней неприязнь. — Греки, арабы, сомалийцы. Наши отцы вместе ходили в море. И ходят до сих пор. Мой отец — судовой инженер.

Янина медленно обдумала ее слова.

— Так он образованный человек?

— Да, он много читает и все такое. — Заткнись, идиотка, одернула себя Саба. Она хотела было похвастаться, что ее отец прекрасно разбирается в астрономии и астрологии, говорит на многих языках, а его отец был директором школы. Но передумала. И так она что-то слишком уж разговорилась с Яниной. Столько слов они пока еще не говорили друг другу.

— Надо же, — отозвалась Янина, покачав головой, и приняла очередную элегантную позу. — Чего только не бывает на свете. — В ее тщательно модулированном голосе прорывалась северная гнусавинка. Некоторое время они глядели друг на друга.

— Так. — Арлетта внезапно вскочила на ноги. — Я абсолютно без копыт. Где вы хотите лечь, мои дорогие? Я могу спать где угодно, так что вы можете побороться за отдельную комнату.

– Ну, в таком случае, – заявила Янина, – ничего, если я буду спать одна? У меня чуткой сон – просыпаюсь от малейшего шороха. Иногда люблю читать среди ночи.

– Я ничуть не против, дорогая, – усмехнулась Арлетта.

На секунду задержавшись, чтобы схватить банан, Янина выбежала на цыпочках из комнаты, словно прима-балерина после бурных аплодисментов.

– Ой, слава богу! – пробормотала Арлетта, когда дверь закрылась. – Без нее легче дышится.

– По-моему, она выступала раньше где-то в кордебалете, – шепотом ответила ей Саба. – Она жутко манерная.

– Ох... – Арлетта шутливо наклонилась и замахала руками, передразнивая танцовщицу, но тут же спохватилась. – Извини, нехорошо смеяться над людьми.

– Ну, что? – Она показала на кусок выцветшей ткани на перекладине. – Какую сторону этого прекрасного гардероба ты хочешь занять?

Сабе было все равно. После самолета ее ноги были все еще ватными, а в голове гудело. Пока Арлетта распаковывала свою сумку, она легла на кровать и стала слушать уличный шум, гудки автомобилей и цоканье конских копыт...

Когда она проснулась, Арлетта сидела напротив нее на своей кровати и неотрывно смотрела на какую-то фотографию. Потом убрала ее и вытерла глаза. Саба поняла, что лучше ей сейчас не лезть с расспросами, и сделала вид, что спит, а сама украдкой разглядывала подругу.

Арлетта сидела босая и уже переоделась в шелковую ночную рубашку персикового цвета, которая подчеркивала ее тонкую талию и безупречную грудь.

Она уже достала из сумки розовые шлепанцы с перышками, две спортивные майки – стандартный армейский комплект, изящные серебристые босоножки, шляпу хаки, косметичку с несколькими флакончиками, перочинный нож, светловолосый парик, роскошный корсет с атласными шнурками. При виде такого причудливого разнообразия Саба вспомнила, как в детстве у нее была картонная кукла с набором одежды для разнообразных стилей жизни: гламурной красавицы, женщины-вамп, спортсменки и наездницы.

И вдруг... ох! Какой ужас! Арлетта развязала холщовый мешок и извлекла из него маленького зверька. Услышав пораженный возглас Сабы, она с улыбкой повернулась к ней.

– Не бойся, он не настоящий. – Она поднесла зверька к Сабе, обдав ее волной дорогих духов. – Разве не прелесть? Подарок от поклонника, абсолютно бесполезный в нынешних условиях, – добавила она. – Но я не могла бросить бедняжку, вот и вожу с собой. – Она проговорила эти слова тихо и грустно, словно речь шла о живом существе.

Сабе стало интересно, кто тот человек, сделавший такой подарок, и не он ли заставил ее плакать. Впрочем, они с Арлеттой были не настолько знакомы, чтобы она могла задать такой вопрос.

В ванной еще пахло терпким мылом, когда в нее вошла Саба. Она вымылась с головы до пят – прежде всего чтобы чем-то заняться, так как у нее почва плыла из-под ног. Она вообще не могла думать о доме. О маме, сидящей в цветастом кресле. Какое у нее лицо? Наверняка печальное... До нее в ванной мылась Янина и выложила свою фланельку для лица, зубную щетку, флакончик аспирина и шампунь – так аккуратно, словно пользовалась для этого специальной рамкой. Саба переоделась в чистую форменную сорочку, причесалась и удивленно посмотрела в зеркало. Неужели это она? Одна, в Каире, в профессиональной труппе?

И вот они вышли на улицу, на ослепительный свет и ужасную жару. Бывалая и опытная Арлетта остановила конный экипаж и велела отвезти их в ЭНСА.

...Кроули уже предупреждал их, что в Каире постоянные проблемы на дорогах: за последние три месяца сюда прибыли более 30 тысяч военнослужащих из Канады, США и Австралии. Когда Лев, акробат, спросил, зачем здесь столько военных, Кроули закатил глаза и ответил с холодной улыбкой.

– Поляк, ты что, всю жизнь провисел вниз головой на своей трапедии и не видишь, что творится вокруг? Война идет, немцы наступают.

Когда он отвернулся, Лев яростно покрутил пальцем у виска и сердито пробормотал: «Ублюдок...»

Невероятный город. Глядя на улицы из-за грязноватых занавесок экипажа, Саба еле дышала от охватившего ее восторга и жадно глядела на лавки, набитые до отказа шелками, одеждой и обувью, на темные пассажи, похожие на отверстые могилы, увешанные сумками и горшками, горками соблазнительных апельсинов и персиков. На узких улицах мелькали солдаты в военной форме, женщины с детьми на руках; мужчина вез на осле огромный кан-делябр.

На перекрестке их задержал полицейский, чтобы пропустить красный «Студебекер», едва избежавший столкновения с верблюдом, который вез навоз. Когда лошади замедлили шаг возле ресторана под названием «Али-Баба», Арлетта сообщила своим спутникам, что именно здесь гуляли военные.

– Ну... высокого ранга, – добавила она светским тоном.

В это время из ресторана выкатилась парочка вояк, которые явно пили долго и без разбора. При виде Сабы и ее спутниц они оживились. Один из них свистнул и покачал бедрами.

– Ой, честное слово! – Янина, с до смешного постным лицом, спряталась за занавесками. – Если все так будет и дальше, я уеду домой.

– Куда направляетесь, девочки? – с австралийским акцентом спросил Сабу высокий солдат. Правую сторону его лица обезобразил длинный шрам, придававший ему голодное выражение.

– Мы фронтовые артисты, – ответила за нее Арлетта. Ее волосы ослепительно сверкали на солнце. – Приходи на наши концерты, если хочешь еще раз на нас посмотреть.

– О-го-го, придем, – засмеялись гуляки.

– Так где же вас искать? – не унимался второй. Оба бежали трусцой рядом с их экипажем, к удивлению возницы, который пытался в шутку хлестнуть их кнутом.

– Пока еще мы ничего не знаем, – ответила Арлетта. – Следите за афишами.

– Я приду, любовь моя, – заверил Арлетту высокий. – А вот его нельзя пускать никуда. Он настоящий подлец и говнюк. – Янина возмущенно ахнула. – У него во всех карманах по ядовитой змее.

Извозчик хлестнул лошадей и, когда подвыпившая парочка осталась позади, восхищенно закричал:

– Ну и парни! Озорные!

– Бога ради, Арлетта! – пробормотала Янина, поправляя юбку; Саба заметила, что у нее обгрызены ногти. – Зачем ты с ними разговаривала? Зачем их поощряешь?..

Они подъехали к штаб-квартире ЭНСА, и тут извозчик узнал, что его пассажиркам нечем заплатить. Радость на его лице сменилась невероятной злостью. Размахивая руками и закатывая глаза, он объяснил им, что они зарезали его без ножа, что теперь его лошадь умрет с голоду вместе с его женой и детьми.

– Прости, – сказала ему Саба на своем ломаном арабском. – Сейчас у нас нет ни пиастра, но, если ты подождешь, я достану деньги.

Рыжеволосый армейский офицер сбежал с лестницы с бурными извинениями. Он представился – капитан Найджел Фернес. Его веснушчатая рука сунула несколько бумажек в протянутую ладонь египтянина.

– Мы собирались заехать за вами, – пояснил он с робкой, неискренней улыбкой, – но нам отчаянно не хватает транспорта. Сегодня прибыли одновременно четыре группы артистов, вот и...

Вилли и акробаты ждали их в тесной комнатке на втором этаже. Рядом стучали на пишущих машинках женщины в военной форме. В углу жужжал огромный вентилятор. На столах лежали скоросшиватели, папки с надписью «Реквизит» и просто стопки бумаг.

Фернес сел под большой картой Северной Африки, испещренной флажками. При виде этой карты у Сабы задрожали от восторга коленки. Она здесь! Ого! Бог знает, куда теперь занесет их судьба фронтовых актеров!

В кабинет вошла Арлетта своей умопомрачительной походкой «от бедра», рассчитанной на демонстрацию безупречной фигуры.

– У нас есть шансы на чашку чая или печенье? – садясь на стул, поинтересовалась она у Фернеса и, пригладив на коленях юбку, жалобно добавила: – Дорогой, я умираю с голода.

Одна из секретарш тихонько хихикнула, а Вилли пробормотал: «Умница».

– Благодарю вас, но не надо меня так называть. – Фернес спрятал довольную ухмылку, но его бледное лицо порозовело. – Мы в армии, так что обращайтесь ко мне по уставу.

– О, небо! Пардон! – Арлетта заерзала на стуле, словно озорная школьница, и пронзила его своим взглядом женщины-вампира. – Я исправлюсь.

Она еле заметно подмигнула Сабе. Фернес повернулся к ним спиной и уставился на карту. Потом сдавленным голосом попросил одну из секретарш принести всем чай.

Чай прибыл в массивных белых кружках, испачканных пятнами от прежней заварки, вместе с тарелкой печенья «Гарибальди»³⁸. Актеры жадно набросились на угощение. Лишь Янина, сидевшая в элегантной позе, соединив колени и слегка наклонив в сторону длинные ноги, заявила: ей только чай, без сахара и печенья. Все вытаращили на нее глаза.

– Ты ведь ничего не ела весь день, – напомнила ей Арлетта, забыв про банан.

– Возможно, потом я что-нибудь поем, – томно ответила Янина. – Я всегда ем как птичка, даже в лучшие времена.

Присоединившийся к чаепитию Фернес сказал, глядя на Арлетту:

– После выступления вы зайдете в какое-нибудь кафе. Невозможно думать на пустой желудок. – И робко улыбнулся.

– Вы ангел, – прошептала Арлетта, заглядывая ему в глаза. Одна из машинисток, невзрачная, с икрами хоккеиста, возмущенно закатила глаза, но Саба была в восторге. Когда-то мать обвинила ее в кокетстве, и Саба обиделась на нее – она считала, что если тебе кто-то нравится, дай ему это понять. Как правило, это происходит само собой, не нарочно. Но тут она с удовольствием наблюдала за Арлеттой – чемпионкой флирта. В ее игре было много юмора и жаркой энергии, а еще ей было плевать на окружающих.

Фернес проворно встал и шагнул к карте.

– Что ж, начнем, – проговорил он, беря в руки указку. – По очевидным причинам мы не можем и не должны рассказывать вам о текущей обстановке в Египте и Средиземноморье. Скажу лишь в самых общих словах – то, что произойдет здесь в ближайшие месяцы, возможно, окажет решающее влияние на весь ход войны – в стратегическом и политическом плане.

Он приколот на висевшую возле карты доску чистый листок бумаги.

³⁸ Печенье с начинкой из изюма, смородины и пр.

– Итак, напоминаю, – продолжал он. – В течение последних трех месяцев в Каир прибыли союзные войска из Канады, США и Австралии. С какой целью? Дело в том, что теперь, после оккупации Франции противником, большая часть Средиземноморья оказалась отрезанной. Почти не осталось плацдармов, где мы и наши союзники могли бы вступить в бой и оказать широкомасштабное сопротивление немецким войскам.

Он изобразил на бумаге большого паука.

– Мы находимся вот тут, в центре. – Он ткнул указкой в брюхо паука, затем наметил контуры Египта с Суэцким каналом по одну сторону и Ливией по другую. – Наши парни будут защищать эти районы, а также Суэц и нефтяные залежи Ирака и Ирана. Здесь, в пустыне, у нас сосредоточены тысячи солдат. – Он показал на пустую стену над картой. – Некоторые из них находятся там с сорокового года, им очень тяжело. Жара, как видите, немилосердная, продовольствия и боеприпасов часто не хватает. Им отчаянно нужны хоть какие-то развлечения.

Янина, закусив губу, не отрывала глаз от карты. Арлетта наматывала прядь волос на указательный палец.

– Я сообщаю вам все это, – все крохи школьного воспитания исчезли, когда Фернес обвел взглядом актеров, задерживая взгляд на каждом лице, – поскольку кое-кто из артистов, побывавших здесь в последнее время, считал Каир чем-то вроде тихой заводи или курорта. Это далеко не так. И очень важно, чтобы вы осознали серьезность нынешней ситуации. Между прочим, – он понизил голос, – в настоящий момент штаб-квартира готова аннулировать это турне. Не исключено, что вас быстро эвакуируют. Я говорю это не для того, чтобы вас напугать, – мы сделаем все, что в наших силах, чтобы вы были в безопасности. Но я обязан вас предупредить.

– Вы даже не можете сообщить, куда мы поедем? – напряженным голосом спросила Янина. – Нам вообще ничего не говорят.

– В ближайшие недели вам предстоят небольшие поездки, – ответил Фернес. – Вы постепенно привыкнете к такому графику. В данный момент, – он тяжело вздохнул и вытер лоб платком, – я не знаю, на чем вас возить на выступления: на ковче-самолете, грузовике или в скорлупке грецкого ореха.

Арлетта и Саба засмеялись. Янина нервно стучала по полу левой ногой; ее глаза были закрыты, словно во время молитвы.

– На Мальте я ездила на грузовике, на котором возят свиней, – сообщила Арлетта. – Вонь неопишутая! Потом я несколько дней не могла отмыть волосы от мерзкого запаха. – Она взяла волосы в горсть, подняла их, разжала руку, и они упали на ее плечи сияющей волной.

Фернес взглянул на нее с облегчением.

– Замечательно. Значит, вы понимаете, что к чему. – Он посмотрел на часы. – Вам придется заполнить анкеты. – Он раздал семь бланков желтоватого цвета. – Не торопитесь – делаете это утром во время завтрака.

– Что такое N15? – спросила Янина, заглянув в бланк анкеты.

– Если вы попадете в плен, – сказал Фернес, – вы не должны сообщать врагу, что вы военнослужащие Британских Вооруженных Сил. Будем надеяться, что вам это не потребуется.

Вот еще несколько важных рекомендаций, – добавил он. – Не ешьте продукты из местных лавок, не пейте воду, не вскипятив ее. Насчет свежих продуктов правило такое: вы можете отварить их или очистить? Если нет, тогда забудьте о них. Насчет местных жителей: никогда не гуляйте тут в одиночку, даже возле лагеря. Никогда и ни при каких обстоятельствах не заходите в местные населенные пункты. У некоторых местных мужчин свои пред-

ставления о наших женщинах, артистках ЭНСА. – Он деликатно кашлянул. – Они считают, будто вы... ну... как бы мне это назвать...

– Доступные, – подсказала Арлетта. – В Западной Африке один мужчина предлагал за меня две тысячи овец. Пожалуй, надо было согласиться.

– Вот такие дела. – Тонкая кожа Фернеса снова порозовела. Он сорвал со стены своего паука и, казалось, уже мечтал отделаться от них.

– Что там насчет жалованья? – напомнила Арлетта. – Или я что-то прослушала?

– А-а... Извиняюсь. – Он отпер свой стол и вручил всем по маленькому конверту. – Это за первую неделю: десять фунтов каждому, авансом. Впредь вы будете получать деньги в НААФИ³⁹. Я вижу, что вам сегодня не помешает основательно подкрепиться. Кроме того, на время гастролей вы получаете офицерский статус, а с ним и право пользоваться офицерской столовой.

Когда они спускались вниз по скрипучим ступенькам, он сообщил, что репетиции начнутся на следующий день, а до конца недели они дадут пару концертов.

– Мы надеемся, что сегодня в Каир приедет Макс Бэгли, ваш руководитель, – сказал он. – Если вы будете делать то, что он говорит, у вас не будет проблем. Он опытный человек. На сегодня все. Вы свободны.

Так закончился их недолгий инструктаж.

³⁹ Navy, Army and Air Force Institute, или (сокр.) NAAFI (НААФИ), – военно-торговая служба ВМС, ВВС и сухопутных войск (в Великобритании).

Глава 7

«Дорогая Саба, – написал он. – мне очень жаль, что тогда все так вышло. Вероятно, я показался тебе ветреным ловеласом, но та девушка – не моя подруга, а невеста моего недавно погибшего друга. Пожалуйста, дай мне знать, куда тебя направляют, когда ты пройдешь все проверки».

Он не мог заставить себя написать подробнее о Джеко, не хотел прикрываться его именем – это казалось ему подлостью.

Джилли обняла его за шею, потом, когда они разговаривали, держала его за руку. Саба это видела. Когда тот ее новый парень подошел к ним, Джил виновато улыбнулась, и Дом, вероятно, ответил ей тем же. Как странно, что печаль можно было принять за флирт.

«Дорогой пилот-офицер Бенсон, – ответила ее мать, – я подумала, что вы можете мне помочь. Я случайно, по ошибке, вскрыла письмо, которое вы прислали моей дочери. Она уехала в ... – в этом месте цензор вырезал большую дыру, – и с тех пор мы не получили от нее ни словечка. А вы? Раз вы служите в армии, может, вы располагаете большей информацией? Мы с мужем очень беспокоимся за дочь.

С искренним приветом,

Джойс Таркан».

Когда пришло это письмо, он находился возле Брайз-Нортон, обучал там молодых пилотов и маялся. Теперь было намного спокойнее, чем в дни Битвы за Британию⁴⁰. Когда они не летали, воздух в клубе-столовой делался затхлым от скуки, сигаретного дыма, бесконечной игры в криббедж⁴¹. Как только он получил увольнительную на день, он сразу уехал, радуясь полулегальному поводу вырваться.

Поезд нырнул в туннель под рекой Северн, Дом погрузился в густой мрак. Заскрежатали тормоза, зашипел пар. Сонный проводник объявил, что они, не исключено, застряли тут надолго.

Эти слова были встречены веселым смехом и возгласами пассажиров – такие происшествия стали уже чем-то будничным, неизбежной частью жизни. Но Дом, обливавшийся потом в душном вагоне, нервничал и злился на самого себя. После ранения он страдал клаустрофобией и прекрасно понимал, что должен перебарывать ее, если снова хочет стать боевым летчиком. Приступы начинались внезапно – у него перехватывало горло, а тело превращалось в бешено работающий насос, который взорвется, если Дом не восстановит нормальное дыхание или не убежит куда-нибудь. Ему было досадно, что даже застрявший в туннеле поезд мог вывести его из равновесия.

Он опустил голову и тяжело дышал, охваченный ужасом, а когда приступ прошел, спросил себя, зачем он вообще затеял эту охоту на диких гусей. Девушка улетела в Северную Африку; во всяком случае, на это намекал швейцар. Ей совсем не нужно синее пальто, которое лежало сейчас на багажной полке над его головой. В правом кармане он обнаружил филигранную золотую ладонь – ее амулет. Он сунул его в карман шинели.

⁴⁰ Битва за Британию – знаменитое авиационное сражение Второй мировой войны, продолжавшееся с 9 июля по 30 октября 1940 года. Термин «Битва за Британию» впервые использовал премьер-министр Великобритании сэр Уинстон Черчилль, назвав так попытку Третьего рейха завоевать господство в воздухе над югом Англии и подорвать боевой дух британского народа.

⁴¹ Криббедж – карточная игра для двух игроков, популярная в Англии и США.

Сейчас он нащупал амулет. В школьные годы он увлекался магическими амулетами, и теперь сразу понял, что это Хамса, или «рука бога», оберегающая от злого, завистливого глаза, от ненависти и зависти окружающих, способных убить в человеке все мечты и желания. Недаром египтянки в деревнях мазали лица своих детей грязью, а в английских семьях детей приучали с малых лет не хвастаться.

Кембридж и Королевские ВВС выбили из него эту магическую чепуху, но его пальцы тем не менее судорожно сжимали во время приступа золотой амулет, словно искали поддержки у крошечной ладони. А когда его пульс вернулся к норме, а едкий пот высох, он с насмешкой сказал себе: Дом, неисправимый циник, ты оказался в поезде, который никуда не идет, – ох, уж эта твоя подсознательная склонность к мелодраматизму!

Напротив Дома сидела хорошенькая девушка из женского корпуса, грациозно поставив ноги в шелковых чулочках и грубых армейских туфлях. Она развернула упаковку бутербродов и предложила ему присоединиться. Он поблагодарил и отказался. Она аккуратно поела и, вытерев губы платочком, поинтересовалась, в какой эскадрилье он служит.

Он ответил, что пока еще ни в какой, и она нерешительно рассказала ему про какого-то своего знакомого, который летал на ночных истребителях во Францию. А ее взгляд обеспокоенно спрашивал: нравится ли ему беседа? Не слишком ли я раскованная? У нее были рыжеватые волосы и остренький подбородок. Ну, и ножки, конечно. В другой раз, в другом настроении он бы ответил ей взаимностью. Они обменялись бы телефонами, посидели бы в ресторане, а то и легли бы в койку. Ведь теперь все стало просто: ты утешался, как только мог, а она, кажется, была приятной, спортивной девчонкой. Но он снова уткнулся в свою газету, и улыбка на ее лице увяла.

Уже в полудреме он слышал, как с ней заговорил какой-то военный с приятным глостерским рыком. Чиркнула спичка, они закурили. Он рассказал девушке, как несколько недель назад на этот самый поезд пикировал немецкий истребитель и как машинист гнал состав со скоростью девяносто миль в час.

– Ох, надеюсь, что сегодня этого не случится, – вежливо ответила она; в ее голосе звучала нотка отчуждения, не располагавшая к продолжению беседы. Как постичь прихотливость человеческих желаний? Почему ей приглянулся именно он, притворявшийся теперь, что дремлет над своей газетой? Почему она не казалась ему интересной?

Он вспоминал глаза Сабы – какого они цвета, темно-карие или посветлее? Они глядели на него, словно зверьки из клетки, сквозь вуаль на той нелепой шляпке; в них светилась, пылала жизнь. А в одной из ее песен, той, что о боге, благословляющем одинокое дитя, звучала мольба о независимости, о жизни и достоинстве. Впрочем, нет, теперь он понял – о мужчине.

Вне всяких сомнений, она хорошенькая, но в госпитале он научился не доверять привлекательности. Сколько девушек на его памяти выбегали с криком из палаты, когда видели новое лицо своего парня. Аннабел хотя бы более-менее соблюдала приличия, заверяя его, что дело не в нем, а «в ситуации в целом», как она неопределенно выражалась, и в ее бледно-голубых глазах светилась искренность. Эта мысль привела его к Питеру, близкому приятелю из Кембриджа, у которого было три страсти в жизни – девушки, Т. Элиот и автомобили. Как-то раз Питер сидел на мосту возле Кембриджа и прочел ему вслух строки из «Четырех кватретов»: «Научите нас вниманию и безразличию». Дом неожиданно вспомнил именно их.

За год до того, как его боевая машина была сбита над Францией, Питер купил за пять фунтов у местного механика ослепительно-зеленый «Остин». Он буквально не верил своему везению, и они гоняли на нем как сумасшедшие по окрестностям Оксфорда, благо дело было летом и погода стояла прекрасная. Автомобиль взорвался через неделю. В последний раз Дом видел Питера сидящим на траве среди обломков железа.

– Во всем виноват я сам, – заявил тогда Питер. – Я вел себя словно идиот – польстился на цвет, словно на красивые глаза девушки. – Чуть помолчав, добавил: – Тачка была безнадежно дрянная.

В туннеле по-прежнему было темно. Чтобы чем-то заняться, Дом перечитал при свете фонарика письмо от матери Сабы. Прочитав его в первый раз, он ощутил укол разочарования – все-таки Саба действительно ушла, бросив ему вызов. Ему, с его нетерпеливым характером, захотелось все исправить. Но потом он почувствовал даже какое-то облегчение.

Ведь что он знал об этой девушке? Только то, что она пела. Да еще он восхитился ее храбростью, ведь когда он сообщил ей, откуда хирург взял кожаную заплату для его лица, она весело расхохоталась.

Бывают в жизни такие моменты, когда ты не можешь ничего толком объяснить или понять, но они все равно падают в лузу с точностью бильярдного шара.

«А птица звала, в такт неслышанной музыке, скрытой в кустарнике»⁴².

В какого идиота он превратился! И все из-за этой проклятой войны.

Над Кардиффским заливом моросило, когда Дом шел к Помрой-стрит. Дождь тихо падал на жемчужное море, где едва виднелась линия, разделявшая воду и небо. Кричали чайки. Из-за дождя расплывались очертания домов. На углу площади Лудон капли барабанили по брезенту, укрывшему овощной стенд возле лавки «Зелень из Среднего Востока». «Так вот где живет Саба», – подумал он.

Дом поднял воротник шинели и взглянул на часы. У него увольнение ровно на сутки. До лондонского поезда оставалось максимум три часа.

Ему улыбнулась женщина в сари, с надетым сверху макинтошем. Мимо проехал мальчишка на велосипеде.

– Где ваш самолет, миста? – крикнул он.

На углу следующей улицы один из домов был разрезан бомбой и так и стоял, бесстыдно обнаженный, будто девушка в спущенном трико или как дешевая театральная декорация – выцветшие розовые обои, зеленая плита, закопченные балки. Бедный дом на бедной улочке.

Вот они какие, улицы Сабы. Пресловутый залив Тайгер-бей. Она тогда дразнила Дома и одновременно предупреждала.

Завороженный ее природным умением держаться с достоинством и неколебимой уверенностью в себе, он почти не думал о ее происхождении. Теперь ему пришлось совместить в своем сознании два ее образа. Родители Аннабел владели в Уилтшире прелестным старинным особняком эпохи Тюдоров, в их домашнем пруду плавали лебеди и утки. Еще у них были апартаменты на Линкольнс-Инн. Его матери эти люди необычайно нравились – их практичность, безупречная мебель, их сезонный билет в Глайндборн⁴³. Возможно, она планировала, что свадебные торжества пройдут в их саду. У него пока еще не хватало духа рассказать ей про предательство Аннабел.

Возле входной двери дома на Помрой-стрит висел бронзовый молоток в виде львиной головы. Доминик набрал в грудь воздуха и постучал.

Появилась старуха в черном платье и галошах. В полумраке сверкали ее темные и любопытные глаза.

⁴² Дж. Элиот. Четыре квартета.

⁴³ Глайндборн – всемирно известный частный оперный театр, принадлежащий семье Кристи. Джон Кристи открыл свой дом для любителей оперы в 1934 году. Небольшой театр, рассчитанный всего на 300 мест, сразу стал клубом для избранных. Каждый спектакль Глайндборна – это сенсация, явление в оперном мире.

Всю дорогу, пока он шел по закопченным улицам, спускавшимся к заливу, он вел сам с собой разговор, завершившийся таким решением: он приехал сюда лишь для того, чтобы вернуть синее пальто. Если мать Сабы попросит какой-нибудь помощи, он сделает все, что в его силах, а потом потихоньку улизнет. Никакого намека на то, что он пылкий поклонник молодой актрисы, просто с его стороны это акт доброты, не более того.

Но лицо старушки осветилось радостью при виде него. Она схватила его за рукав и ужасно засуежилась.

– Джойс, скорее сюда! – закричала она через плечо, словно он был библейский блудный сын. – Скорее! Иди сюда! Здесь тот парень!

В конце коридора распахнулась дверь; вышла миловидная женщина лет сорока. С накрашенными губами и свежим перманентом на густых, темных волосах. Женщина явно следила за собой либо специально нарядилась по какому-то случаю.

Она пригласила его в гостиную – уютную, с маленьким камином. В углу стояло пианино с нотами на пюпитре. Старушка перехватила его взгляд и улыбнулась.

– Я уметь играть, – похвасталась она. – Саба меня учить. Она очень любить.

– Тансу, – твердо сказала Джойс, – иди иними галоши. Я приготовлю мистеру Бенсону чай – или вы хотите кофе? У нас есть и то и другое.

– Пожалуйста, кофе, – попросил он и тут же спохватился: – Если у вас его достаточно. Ну, там, военное время, ограничения и все такое, – смущенно добавил он.

– По-турецки? По-английски? Мой супруг работает на судах, и кофе у нас есть.

Ох, я назвала вас «мистер». – Она осторожно взглянула на него. – Я забыла ваше звание.

– Пилот-офицер, – сказал он. Вообще-то, его скоропалительное повышение в звании не казалось ему реальным – скорее, незаслуженным, как и то, что он уцелел.

Он бросил быстрый взгляд на стену с книгами, на граммофон с аккуратной стопкой пластинок. Эти люди не укладывались в его представления о типичной рабочей семье.

Над граммофоном висела в рамке фотография: солидная женщина в темных очках на фоне Сфинкса.

– Умм Кульсум, – с готовностью пояснила старушка, уже сменившая галоши на пестрые домашние шлепанцы, и с безграничным обожанием взглянула на портрет. – Очень, очень хорошо. – Она жестом показала на пластинки и даже ласково погладила их ладонью. – Красиво.

Пока они ждали кофе, она принесла еще один снимок и осторожно положила ему на колени. На нем была Саба, на сцене, в длинном платье из какой-то атласной ткани, с цветком в волосах, со своей открытой улыбкой. В полутемном зале, похожем на большой ангар, сидели парни с тонкими мальчишескими шеями. Словно морские анемоны, тянущиеся к свету или пище, они подались в ее сторону. Дом представил, какие ужасные мысли бродили в тех коротко стриженных головах, и на минуту ощутил неловкость. Его приезд показался ему нелепым и смешным.

– Саба и «Весенние мелодии», – гордо пояснила старая турчанка и подняла кверху два пальца. – Второй концерт... – Она изобразила бурные аплодисменты и станцевала, шаркая по полу шлепанцами.

Вернулась Джойс с подносом в руках.

– Тансу, – сказала она. – Возьми шинель у молодого человека и дай ему выпить кофе. Пожалуйста.

– Да, кстати, вот пальто... – Он отдал сумку, стоявшую возле его ног. – Саба забыла его, когда мы зашли с ней перекусить.

– Господи. – Джойс поставила на стол поднос и вытащила пальто из сумки. – Господи, какая она беспечная. Типично для нее. Послушайте... Я не хочу быть невежливой, но вы к нам надолго? – Она устремила на него взгляд. – Через час мне нужно идти на фабрику.

– Мой поезд отправляется в четыре, – сообщил он. – Завтра у меня полет. – Он сказал это, чтобы успокоить себя, а не ради хвастовства.

– Вы летаете на «Спитфайрах» или «Харрикейнах»? – К хозяйке снова вернулась вежливость. Она налила Дому кофе из маленького бронзового сосуда.

– Сейчас на «Гарвардах»⁴⁴, – ответил он. – Я служу в учебном подразделении. С вашей дочерью я познакомился в госпитале, после того как меня сбили на побережье. Но теперь я в полном порядке.

– Я вижу. – Впервые за все время она улыбнулась.

– Она пела в нашей палате.

– Да, до отъезда она иногда выступала... – Джойс снова нахмурилась и поджала губы. Сделала маленький глоток, поставила чашку и тяжело вздохнула.

Вернулась старушка. На этот раз она принесла на деревянном блюде чашу с турецким горохом.

– Пожалуйста. – Она показала на чашу. – Ешь. Давай.

– Благодарю вас, миссис Таркан.

– Тансу, – твердо заявила она и приложила руку к необъятной груди. – Мое имя Тансу. Ох! – Она увидела синее пальто, и ее узловатые пальцы нежно погладили сукно, словно драгоценную реликвию.

– Расскажите мне подробнее, где вы встретили Сабу, – попросила мать.

При упоминании имени внучки Тансу застонала, а ее старые, печальные глаза впились в Дома. Джойс крутила в руках чашку, так и не сделав больше ни глотка.

– Я лежал в госпитале. В Ист-Гринстеде, – начал он. – Она приехала, чтобы дать концерт, – по ее словам, ее направили к нам в последнюю минуту вместо какой-то другой певицы.

Он взглянул на Джойс, сидевшую на краешке стула. «Спеши, спеши, – говорила птица».

– Я сразу понял, что она замечательная. – В какой-то миг они смотрели в глаза друг друга.

– Да, – согласилась Джойс. Покачала головой и тяжело вздохнула. – И эгоистка.

Ее голос задрожал от сдерживаемого гнева.

– Эгоистка?

– Да. Думает только о себе. – Она нахмурилась и поставила чашку на стол. – После ее отъезда мы ни одной ночи не спали спокойно.

– Где она сейчас?

– В том-то и дело, что мы не знаем.

Старая Тансу, раскрыв рот, слушала их диалог, потом еле слышно застонала и уткнулась лицом в фартук.

– Тансу, ты не принесешь печенье? Принеси с кухни печенье. – Когда старушка ушла, Джойс сказала: – Она не все понимает, но я не хочу, чтобы она это слушала. Она и так плачет каждую ночь.

Тут только Дом заметил темные круги под глазами матери и панический страх в ее взгляде, который она с трудом сдерживала.

– Вы даже приблизительно не знаете, где она?

– Около недели назад мы получили аэрограмму о том, что она в Египте, в Каире, и скоро куда-то уедет. Она пишет, чтобы мы не беспокоились, у нее все хорошо. С тех пор – ничего.

⁴⁴ «Гарвард» – двухместный учебно-тренировочный самолет для летчиков с высокой квалификацией.

Дом видел, с каким трудом она сдерживала свое отчаяние, и впервые в жизни почувствовал, как тревожатся те, кто остается в тылу. Прежде он не разрешал себе думать об этом – о своей собственной матери, сидящей в холодной гостиной за вышивкой либо лежащей в ночной темноте и вслушивающейся в рокот самолетов – может, и его машины.

– Неделя не срок, – мягко возразил он. – Почта работает отвратительно. А где же?.. – Он замаялся. В войну можно ожидать чего угодно.

– Ее отец?

– Да.

Джойс показала на стоявшую на каминной полке фотографию. У мужчины было красивое лицо с волевым подбородком, пронзительные черные глаза, густые темные волосы – он не походил на англичанина.

– Его имя Ремзи, – сказала она. – Он работает инженером на судах компании «Файффс». После случившегося он вообще не разговаривает со мной и винит во всем меня. – Она зябко передернула плечами.

Тансу вернулась с кухни. В одной руке она несла жестяную коробку с печеньем, в другой – музыкальный инструмент, похожий на лютню.

– Это мой. Тамбур. – Она с гордостью подняла вверх инструмент.

– Ах, вы все музыканты, – вежливо заметил Дом.

– Она не играет на нем; играл ее муж, – пояснила Джойс. – Но тут, у залива, всегда было много музыки. До войны к нам даже приезжал Хоуги Кармайл⁴⁵.

Старушка поставила печенье на стол и взяла новую фотографию.

– Мой сын, – сообщила она. – У меня четверо сыновей: трое финиш. – Ее лицо дрогнуло. – Его нету сейчас. Когда он...

– Тан, предоставь это мне! – Джойс почти кричала. – Пожалуйста!

– Когда она уехать... – продолжала Тансу, игнорируя ее слова, – когда она уехать, – она ткнула пальцем в фото Сабы, – он... – Она замахнулась воображаемой палкой, потом сердито покачала головой. – Очень, очень плохо...

Все молчали. Джойс крутила в пальцах чашку.

– Это правда, – проговорила она наконец. – Он спокойный, добрый, но очень рассердился, когда узнал, что Саба выступает с концертами. И ЭНСА стала последней каплей. Но что она могла поделать? Она не может не петь, а мы поначалу ее поддерживали – отец и сам страшно гордился ее успехами. Да ведь вы ее слышали.

– Да, слышал, – подтвердил Дом. – И я вас понимаю.

Тансу снова устремила на них свои старые глаза, потом вскочила и стала возиться с граммофоном.

– Не сейчас, Тан, – остановила ее Джойс. – У меня мало времени. Мне нужно еще кое-что рассказать.

Внезапно она улыбнулась.

– Послушайте. Я ведь даже не спросила, зачем вы к нам приехали.

– Ну... вообще-то... – Он покосился на синее пальто и устыдился своей лжи.

– Но вы можете нам помочь? Ведь вы теперь знаете нашу ситуацию? – В глазах матери вспыхнула искорка надежды.

– Пожалуй... я не знаю точно... Вас еще что-нибудь беспокоит?

– Ну... может, я скажу глупость. Но мой муж предполагает, что готовится что-то серьезное.

– Почему?

⁴⁵ Хоуги Кармайл (1899–1982) – американский джазовый музыкант (вокал, фортепиано, челеста), композитор, бэнд-лидер.

– Обычно в ЭНСА принимают с двадцати пяти, а ей двадцать три, да и уехала она очень поспешно; по его словам, обычно отводится несколько месяцев на прививки от малярии, проверки и прочее. С чего бы такая спешка?

– По-видимому, там срочно потребовались артисты – ведь, кажется, в Северную Африку переброшены три с половиной тысячи союзников в помощь Восьмой армии. Разворачивается война в пустыне. – Его мозг лихорадочно работал.

– Я вообще не понимаю, что мы делаем в Африке, – грустно сказала Джойс. – Ведь это так далеко от нас.

– Да, – осторожно согласился он и хотел было объяснить стратегическую важность этого региона, но решил, что сейчас не время. При этом он уже подумывал о 89-м авиакрыле, дислоцирующемся в Северной Африке. Он уже побывал там однажды во время учебного полета, просидел две недели в пустыне возле вади. Там они пили дрянной джин и ждали жарких боев.

– Возможно, у меня что-нибудь получится, – сказал он вслух. Да, ему хорошо запомнились те полеты в бескрайней пустыне под огромным, синим небом; там он больше всего чувствовал себя птицей.

– У вас там есть знакомые? – спросила она.

– Ну, немного, но есть. – Не стоило будить в ней надежду. – Но давайте вернемся к вашим словам. Почему ваш муж считает, что там срочно понадобилась именно Саба?

– Не знаю, – сухо ответила Джойс. – Его надо спросить. Возможно, он все преувеличивает. У него остались в памяти ужасные воспоминания о Турции и вообще об этом регионе. Во время Первой мировой в его деревне пропали многие жители. Сам он плавал в это время в море. Он считает, что его братья были казнены. Бедняга. – Она тяжело вздохнула. – Неудивительно, что он так напуган.

– Саба знает об этом?

– Нет. Она для него всегда как солнечный лучик – вернее, раньше была. Ему хотелось, чтобы она всегда оставалась такой.

– Какой она была? – вырвалось у него. – Ну, в детстве.

– Прелестной озорницей! Моя тетка говорила: «Я еще не видела такого ребенка – когда она входит в комнату, все озаряется светом». Но одновременно и упрямницей. Иногда мы ездили в Долины к моим родителям; у них была лошадь и повозка, и Саба всегда требовала, чтобы ей дали в руки вожжи, даже в четыре года. «Дай мне, мама! Я умею! Ведь это не твоя лошадка». Однажды, когда мы сидели в повозке, лошадь понесла. Дочке ужасно понравилась быстрая езда; она говорила, что это был лучший день в ее жизни.

Джойс засмеялась, и Дом отметил, что она красивая женщина.

– Еще Сабе с детства нравились разные исполнители: Билли Холидей⁴⁶, Дина Шор⁴⁷, Хелен Форрест⁴⁸. Когда мы купили пластинку Дина Мартина⁴⁹, на которой записана «Deep Purple», она слушала ее миллион раз, мы просто с ума сходили, так нам надоело, а она часами сидела в своей спальне и учила слова песен.

⁴⁶ Билли Холидей (1915–1959) – псевдоним Элеаноры Фейган, американской певицы. Обладая восхитительным голосом и оригинальной манерой исполнения, Холидей во многом повлияла на развитие джазового вокала во всем мире.

⁴⁷ Дина Шор (1916–1994) – американская актриса и певица, одна из самых популярных сольных исполнительниц 1940–1950-х годов.

⁴⁸ Хелен Форрест (1917–1999) – американская певица, легендарная солистка трех лучших музыкальных коллективов 1940–1950-х годов.

⁴⁹ Дин Мартин – американский эстрадно-джазовый певец и актер итальянского происхождения. В 1950-е годы Мартин неоднократно возглавлял американский чарт продаж. Вместе с Фрэнком Синатрой и Сэмми Дэвисом входил в «Крысиную стаю».

Но она еще и беззаботная. – Мать снова недовольно покосилась на пальто дочери. – Все время думала о песнях, поэтому... – Она внезапно впиалась взглядом в Доминика. – Слушайте, так вы нам поможете?

– Пока не знаю. Скорее всего, у нее все нормально. Просто почта там фантастически медленная. После моего отъезда вы наверняка получите письмо.

– Я не знаю, что и думать, – вздохнула Джойс. – Кажется, она там от всего в восторге. Она всегда радуется, когда работает. Но ведь она слишком доверчивая и простодушная.

– Если я попаду туда, – сказал он, обдумывая свои планы, – что мне передать Сабе? Ведь я посторонний человек и не могу приказывать ей вернуться домой. – Внезапно его поразила нелепость его слов.

– Нет! Нет! Нет! Не надо этого делать. – Лицо Джойс внезапно оживилось, и она помолодела лет на десять. – Для Сабы это замечательный опыт. Вы просто повидайте ее. Ну, не знаю... передайте ей, что я ее понимаю, но... Я просто хочу убедиться, что она в безопасности.

Она покосилась на часы, стоявшие на камине. Три двадцать.

– Мне пора на работу, – сказала она.

– Мне тоже пора.

– Если хотите, можем пойти вместе.

– Последний вопрос. – Он понял, что ему важно это знать. – Вы вскрываете все ее письма? То есть те, которые ей присылают незнакомые люди?

– Чаще всего. – Она с вызовом посмотрела на него. – Я не хочу, чтобы ее отец разозлился еще сильнее. Если бы вы знали его, вы бы меня поняли.

– Ей пишут?

– Только молодые люди. Такие, как вы.

Он ощутил укол ревности, такой острый, что даже удивительно. Он не имел на это права, но испытывал.

– Молодые люди, которые слышали ее пение?

– Да, и, конечно, Пол.

– Пол?

– Ее жених, бывший, – с горечью ответила Джойс. – Приятный молодой человек, из хорошей семьи, будущий школьный учитель. Он точно бы женился на ней. Она бросила его перед тем, как уехала в Лондон, – выскочила из машины и убежала. Так разозлилась. Я до сих пор не знаю толком, что у них произошло, – но он страшно переживал. Такие, как она, чуточку похожи на электричество – не понимают, что могут сильно ранить.

Дом не понял, что это – предостережение или угроза.

Но потом, когда они вместе шли по Помрой-стрит, он неожиданно понял, что его переполняет огромный восторг.

Он испытывал прилив сил, он снова хотел летать, хотел сражаться. По разным причинам, не только чтобы отомстить за Джеко. Присутствие Сабы добавит остроты и интереса этому приключению, поможет быть осторожнее – и веселее. Дом был уверен, что на этот раз не будет гореть в самолете.

Глава 8

Каир

Прошло две недели после их приезда в Египет. Девушки завтракали в ресторане при маленьком отеле под названием «Минерва», по соседству с их жильем. Дворик ресторана был симпатичный: на его стенах цвели жасмин и бугенвиллеи, в центре плескался фонтанчик. В шелковистом шелесте его струй было что-то гипнотическое. В то утро Саба сидела там одна. И тут в ресторан вошел долговязый англичанин.

– Меня зовут Дермот Клив, – представился он с широкой улыбкой. – Я делаю армейские сюжеты для Би-би-си. Надеюсь, что скоро запишу передачу с вами. – Он словно пытался ее заверить, что это не обычное заигрывание с красивой девушкой.

Он был молодой, симпатичный, с орлиным носом и голубыми глазами, очень умными. Она сняла темные очки – они были первые в ее жизни и очень ей нравились, – и сунула их в очечник из свиной кожи.

– Мои коллеги немного задерживаются, – сообщила она. В самом деле, Арлетта с Яниной задерживались из-за ванной. Саба прикинула, не закурить ли ей сигарету; это была еще одна ее новая привычка, хоть иногда это вызывало у нее кашель.

– Можно я составлю вам компанию и выпью с вами кофе? Вам это не будет очень неприятно? – спросил Клив. – Когда придут ваши подруги, я удалюсь.

– Конечно, – ответила она. Наступила небольшая пауза. Он сел за столик и положил на соседний стул свою панамскую шляпу.

Самир, смазливый официант, выбежал из кухонной двери, раздвинув занавеску из бусин. Над головой он нес блюдо со свежими персиками, дынями и бананами. Он с восторгом узнал, что Саба наполовину турчанка, и всегда уделял ей особое внимание.

– Ваш обычный завтрак, мадам? – спросил он. Каждое утро Саба и ее спутницы наслаждались настоящим кофе, настоящими яйцами, настоящим сливочным маслом и маленькими бананами *Moza cavendishii*, самыми вкусными в мире.

– Я подожду остальных, – ответила она, надела темные очки и вставила сигарету в мундштук. – Тут все так вкусно, просто не верится, – сказала она Кливу. – После карточек. Только мне стыдно.

– Ох, совершенно напрасно. – Он щелкнул зажигалкой и поднес ей огонь. – Наслаждайтесь, пока есть такая возможность. Вот отправитесь на гастроли, и вам придется сидеть на сухарях и консервах. Кстати, вам уже известно, когда вы уедете?

– Пока нет.

– Очень скоро. – Он вытянул ноги. Две пташки, клевавшие под столом кусочек хлеба, вспорхнули и улетели.

Самир суетился возле них, поправлял салфетки и наливал кофе. Когда Саба поинтересовалась, как у него дела, он лучезарно улыбнулся и ответил: «Il-hamdu li-llah».

– Что он сказал? – с ленивой улыбкой спросил Клив.

– «Il-hamdu li-llah» означает «Слава богу» – выражение на все случаи жизни, от «хорошо» до «я умираю, но должен с этим смириться».

– Вы всегда разговариваете с официантами на их языке?

– Нет, – засмеялась она, – я знаю лишь несколько слов. Меня научил папа – он турок. – Она погасила сигарету: фу, гадость! Сколько пройдет времени, прежде чем она научится получать удовольствие от курения?

Клив взял два куска сахара и положил в кофе.

– Так вы говорите по-турецки? – Он откинул со лба прядь волос и с любопытством посмотрел на нее, щурясь от солнца.

– Да, более-менее. Мы разговариваем дома.

Вернулись воробьи и снова набросились на хлеб.

– Хитрые паршивцы, – усмехнулся Клив. – Должно быть, это самые жирные воробьи в Каире. Они арендуют эту площадку.

В дверях ресторана раздался легкий шум. Вошла Арлетта – ремень туго затянут, волосы блестят на солнце.

Клив быстро вскочил.

– Все-все, я удаляюсь и оставляю вас с вашими подругами, – сказал он. – Приятного аппетита.

Да, я вот что хотел у вас спросить. – Он взял шляпу и повернулся к Сабе. – Где вы репетируете?

– В старом кинотеатре на улице Шария Мансур, – ответила она. – Сегодня у нас первая серьезная репетиция с Максом Бэгли.

– Нервничаете? – В его улыбке было что-то загадочное.

– Чутьочку.

– Возможно, я загляну туда, – сказал он. – Мы с Бэгли знакомы еще с Оксфорда. Делали совместно несколько программ.

Она надеялась, что он добавит: «Вы должны спеть в одной из них», но он ничего не сказал.

– Да, кстати, не бойтесь Бэгли, – сказал он напоследок. – У него ужасная репутация, но на самом деле он овца в волчьей шкуре и очень-очень талантлив. Вы многому у него научитесь.

– Приятный мужчина, – одобрила Арлетта, глядя на элегантную спину ушедшего Клива. – Что он хочет?

– Он сказал, что делает тут радиопрограммы для армии, – ответила Саба. – Ты его знаешь?

– Нет, тут все время меняются режиссеры. Но он интересный.

– Да, обаятельный и очень дружелюбный, – добавила Саба. – Ох, если я буду и дальше так питаться, то скоро не влезу ни в одно из своих платьев, – посетовала она, намазывая маслом второй горячий круассан. – Я еще никогда в жизни не завтракала так вкусно.

– Сегодня все нормально? – Арлетта ласково посмотрела на нее, взяв за руку. Накануне вечером она застала в ванной отчаянно рыдавшую Сабу и крепко ее обняла, отложив свой мешочек для мыла и губки.

– Да, все хорошо, – ответила Саба. – Понимаешь, просто... – Тоска по дому нападала на нее словно дикий зверь; она сама не ожидала, что так будет. То отчаяние на лице мамы, когда поезд тронулся. Как мама махнула ей рукой в последний раз. Как жалко, что накануне отъезда у нее вырвались подлые слова о том, что мама никогда не могла постоять за себя... Да и кто бы смог на ее месте? А вдруг на нее упадет бомба? И на Тан, на них всех?

Арлетта похлопала ее по руке.

– Да, часто бывает больно, словно от удара под дых. Но у тебя все будет замечательно, детка. Скоро начнем работать.

– Ты права, тогда у нас будет веселее на душе. Работа – лучшее лекарство, – согласилась Саба. Но в тот момент ей снова стало грустно, и ей захотелось, чтобы Арлетта занялась своим завтраком и перестала ее уговаривать. Самир как раз принес новые порции кофе и еще одну корзинку с горячими круассанами.

– Пожалуйста, кушайте-кушайте, – сказал он. – А то вы слишком... – Он свел пальцы, изображая тонкую талию, и неодобрительно опустил уголки губ.

– Почему-то они так любят здесь пингерок, – сказала Арлетта, когда он ушел.

– Что такое пингерка? – Саба надела темные очки.

– Жирная тетка, которая издает звук «пинг», если ткнуть ей в бок вот так. – Арлетта ткнула пальцем в бок Сабы.

Они засмеялись. Во дворик вошла Янина. На ярком солнце она казалась прозрачной. Когда она садилась за столик, над их головой с оглушительным ревом пролетел самолет. Ах, она отвратительно спала, спасибо за внимание. Ужас, сколько мух, ужасный шум с улицы. Когда появился Самир с блюдом фруктов, она отмахнулась – от фруктов у нее пучит живот; ей нужны только черный чай и кусочек тоста.

В тени сидел кот. Он подошел к Янине и потерся спиной о ее ноги.

– Ни в коем случае нельзя дотрагиваться до кошек, гладить их. – Янина не отрывала глаз от чая. – В Западной Африке мою подругу – она работает в «Садлерс Уэст» – укусил кот. В итоге ей пришлось пройти курс в двадцать восемь инъекций. Она до сих пор не поправилась. Кыш! Кыш! Пошел прочь, негодник! – Она элегантно пнула кота. – А еще одна моя подруга, бедняжка, – продолжала Янина, тщательно вытерев губы салфеткой, – заблудилась в Западной пустыне, когда ехала на джипе. Во время песчаной бури. У них закончилась вода, и им пришлось пить собственную жидкость, ну, вы понимаете какую. Их нашли полуживыми, но все-таки спасли.

– Ты всегда была такой оптимисткой? – поинтересовалась Арлетта, когда Янина попросила еще горячей воды, ну, и, пожалуй, ломтик лимона.

– Вода не должна быть слишком горячей, – сказала Янина, когда Самир ушел. – Они ничего не делают правильно. Я реалистка, – продолжала она. – Вы ведь слышали слова капитана Фернеса – мы не должны находиться здесь. Большинство компаний уже эвакуированы. Нет смысла изображать из себя страусов и прятать голову в песок.

У Сабы сжалось сердце. Да, тут был совсем другой мир, не такой, к какому она привыкла, – сумрачный, непонятный, даже опасный. И он находился совсем близко, как эта темная кухня за занавеской из бусин.

Из-под куста жасмина вышла собака. Она легла возле Сабы и поглядела на нее своими янтарными глазами. Саба машинально погладила ее по голове.

– Не гладь! Я же сказала, тут никого нельзя трогать! – закричала Янина, но тут же спохватилась. – Ой, простите! Вот мы начнем работать, и я приду в норму. Сейчас я слишком напряжена.

Арлетта пожала плечами и покачала головой за спиной Янины, но Сабе впервые стало ее жалко. В такой ситуации страх – самая нормальная вещь.

Репетиция проходила на улице Шария Мансур в бывшем кинотеатре, пропахшем турецкими сигаретами и – еле заметно – мочой. Не работали потолочные вентиляторы, сцена была шаткая и грозила занозами. Но, как терпеливо втолковал им Фернес, еще повезло, что есть хоть такая студия, – в тот месяц в Каире отчаянно не хватало помещений, так как прибывали все новые и новые войска.

Макс Бэгли, их режиссер, низенький, пухлый человечек, неряшливо одетый, зато при галстукe, стоял в дверях. За его спиной раздавались надрывный стон трубы и пиликанье скрипки.

– Опаздываете. – Он постучал пальцем по часам, надетым на волосатое запястье. – Я сказал в девять тридцать, а не сорок пять. Если такое повторится, я урежу вам жалованье. Музыканты заждались.

От Арлетты, которая слышала об этом от какой-то подруги, а та от своей подруги, они уже знали, что до войны Бэгли, когда-то учившийся на органиста в колледже Гонвилль и Кай в Кембридже, считался в Лондоне восходящей звездой в жанре музыкальных комедий и затейливых музыкальных ревю. По словам все той же подруги, половина из работавших с ним девушек рано или поздно оказывались в его постели, несмотря на его невзрачную внешность. Его секрет был в том, что он заставлял тебя верить, что он, как никто другой, понимал твой талант и мог извлечь из тебя все лучшее. «А на это способны лишь немногие мужчины», – подчеркивала Арлетта.

Во время первой взбучки Янина клокотала от гнева. Она всегда возила с собой два будильника, на случай если один сломается, и уговаривала Арлетту и Сабу выйти пораньше. Но Арлетта отмахивалась и говорила, что у них полно времени. Так и было, но впереди сломался автомобиль, и дорогу загродили орущие водители, бешено лупившие кулаком по клаксону.

– Дорогой, мы тут абсолютно не виноваты, мы... – заворковала Арлетта, но Бэгли рявкнул:

– Мистер Бэгли, а не *дорогой*. Я дам тебе знать, когда захочу, чтобы ты так обращалась ко мне.

– Оп-па, – вполголоса сказала Арлетта Сабе, когда они шли в свою уборную, – вот я и схлопотала от этого грубияна. – Но Сабу восхитило, что она не возмущалась грубостью Бэгли, но и не выглядела слишком удрученной. У Арлетты был стальной характер.

Стояла оглушительная жара. Липкими от пота пальцами Саба возилась с крючками и петлями черной юбки, натягивала трико и туфли для чечетки. Туго стянула на затылке волосы, слегка подкрасила губы. Янина, все еще паниковавшая из-за выговора, делала какие-то нелепости – встала с голым задом у окна и со словами «не смотрите» натягивала на себя розовое трико.

– Твоя задница никого не интересует, – хмыкнула Арлетта, проводя языком по ярко-красным губам.

– Готовы, девочки? – спросила она, когда, одетые, они встали у двери. – Шагнем в пасть дракона.

Они вышли на сцену, где Бэгли беседовал с Вилли и польскими акробатами, которые тоже опоздали, а также с потрепанным секстетом «Джой Бойз», которые жили в Каире уже три месяца. Вилли послал Арлетте воздушный поцелуй и, прижав руку к груди, отвесил восточный поклон.

– Ладно, хватит. Начинаем, – распорядился потный и свирепый Бэгли. Он посоветовал им не считать себя – по крайней мере, в ближайшие недели – полноценной труппой. Мол, сейчас они пока еще одно название, а не артисты. Их слишком мало, и весьма возможно, что всех скоро эвакуируют из Каира. Еще он предупредил их, что работа предстоит трудная, изматывающая, и если они не рассчитают свои силы, тогда беда. По его словам, одна из певиц так перенервничала во время переездов и концертов, что в конце своего выступления в Асуане громко послала всех в одно место и на глазах у публики убежала в пустыню в сценическом костюме и гриме.

– Ну и ну, – пробормотала Янина, ненавидевшая грубые слова.

– Это была Эльза Валентайн, – шепнула Арлетта. – Твоя предшественница.

Шоу, сценарий которого он пишет в данный момент, продолжал Бэгли, поставив ногу на стул, носит условное название «Кутерьма». Он планирует, что премьера пройдет в Каире, в спортивном клубе «Гезира», а потом они поедут с ним туда, куда им скажут, – по базам ВВС, госпиталям и прочим объектам, названия которых они никогда и не узнают.

– Как вам такая перспектива? – На лице режиссера внезапно появилась озорная мальчишеская усмешка.

– Мило, мистер Бэгли, сэр, – ответила за всех Арлетта.

Саба почувствовала, как возле нее вздрогнула Янина. И, хотя не могла ее терпеть, была в этот момент на ее стороне. Временами Арлетта выглядела слишком самоуверенной, хотя на деле боялась не меньше остальных.

С десяти до часа они работали над новой программой, новыми номерами, песнями, новыми вступлениями и завершениями. Сначала шли акробаты; они с глухим стуком прыгали по сцене и жаловались на занозы.

У старшего, Льва, была жилистая юношеская фигура и самые печальные глаза, какие Саба встречала в своей жизни. После серии великолепных сальто он неожиданно остановился у рампы и задал Бэгли вопрос, словно он только что пришел ему в голову.

– А другие сольные номера будут? В Лондоне нам говорили, что нас объединят с другой труппой.

– Ну, они могут приехать, кто их знает, – вот и все, что мог ответить Макс Бэгли. – Мы ведь скоро уедем.

По городу уже бродили слухи, что войска Роммеля⁵⁰ стремительно наступают и что скоро в Каире будет введен режим полного затемнения и начнутся учебные воздушные тревоги, как в Лондоне.

– Но во время репетиций никаких разговоров о войне, – прикрикнул на них Бэгли. – Раз уж я взялся с вами работать, спуску вам не будет. – Он воздел руки к потолку, и в ноздри Сабы ударил резкий запах пота.

Вот в неяркий круг света вышла Арлетта – ремень туго затянут, на голове лихо заломленное кепи.

– Так, правильно, голубушка. Начинай, – крикнул Макс.

Сначала она спела игривую песенку под названием «Парни с корабля», хлопая в ладоши, с дерзкой ухмылкой, а потом «Раскрепостись»⁵¹.

– Все хорошо. – Бэгли легко вскочил на сцену. – Но, на мой взгляд, когда ты поешь морскую песенку, нужно добавить чуточку мелодрамы, совсем слегка, а потом снова – оп-ля. – Он схватил Арлетту за руку и подтолкнул к заднику. – Вот так, и оттуда ты выходишь почти на цыпочках, перед тем как споешь «ля-ля-ля». – Он уверенно пропел фразу. – В остальном все идет в правильную сторону.

Вилли – с мокрым от пота брюшком, на голове носовой платок с узелками по углам – спел «Когда я увидел под руками водоросли, то понял, что скоро промокну» и выпалил несколько гэгов в своем духе, с невозмутимым лицом. Надел феску и исполнил танец живота, выставив над головой руку, словно рог Единорога.

– Все, – сообщил он в конце с мрачной усмешкой. – Можете меня пороть.

Макс сказал, что для начала сойдет, но когда они вернутся из турне, им нужно будет сделать вместе что-нибудь поновее.

– Рад служить. – Вилли уселся на стул прямо на сцене и мрачно уставился на свои ноги.

– И давайте не делать шутки еще пошлее, чем они есть, – добавил Макс. – Например, с «Заклинателем змей».

– Провалиться мне на этом месте! – возразил Вилли слабым, дрожащим голосом. – Я говорю и более соленые шутки, чем эта.

⁵⁰ Эрвин Роммель (1891–1944), генерал-фельдмаршал германской армии. 6 февраля 1941 года Гитлер назначил Роммеля командующим только что созданным Африканским корпусом, поставив перед ним задачу отбросить британские войска обратно в Египет. Африканская кампания, начавшаяся для Роммеля успешно, принесла ему прозвище лис пустыни.

⁵¹ Песня «*Let Yourself Go*».

– Не надо, – предостерег Макс. – Наши надзиратели из ЭНСА падают в обморок, будто свора старых дев, и от менее двусмысленных вещей. Мы вынуждены с ними считаться. Ничего не поделаешь.

Вилли сидел с красным лицом, отрешенно глядел в пол и тяжело дышал.

– Ты в порядке, старина?

– Лучше не бывает, – просипел Вилли. – А ты?

Теперь была очередь Сабы. Когда она вскочила на сцену, отворилась дверь, в зрительный зал хлынул ослепительный солнечный свет. В его лучах появился высокий блондин, разговаривавший с ней за завтраком, и уселся в последнем ряду. Поймав ее взгляд, он улыбнулся и выставил ладони, как бы попросив не обращать на него внимания, что она и сделала. Она всецело, на сто процентов, сосредоточилась, намереваясь хорошо спеть и произвести впечатление на мистера Бэгли, стоявшего рядом с ней.

– Так, – пробормотал Бэгли, прищулив глаза, – позволь мне сказать, чего я хочу от тебя. Ты боишься высоты?

– Нет. – Она удивленно посмотрела на него.

Для важного номера, открывающего программу, сказал он, ему нужно, чтобы она и Арлетта спустились на сцену на золотом канате. Свои слова он подкрепил взмахом пухлых рук. Саба споет песню «Сфинкс это Минкс (кокетка)», которую он недавно сочинил. Арлетта и Янина будут танцевать вокруг нее. Арлетта, одетая Клеопатрой, будет держать слова этой песни на древнеегипетских табличках-картушах (ну, разумеется, из картона), чтобы солдаты подпевали.

– Но сейчас я ишу песню, которой мы завершим наше шоу... – Макс как бы размышлял вслух, глядя на Сабу. – Сегодня мне нужно протестировать тебя. Пожалуй, это главная моя задача.

– Меня? – удивилась Саба.

– Мне нужно знать твои вокальные возможности. Во время гастролей тебе придется петь по два раза в день, а то и больше. Это нелегко.

Где-то за кулисами одобрительно замычала Янина. Саба набрала для храбрости полную грудь воздуха и посмотрела на режиссера.

– Вам не кажется, что для начала вам нужно просто послушать, как я пою?

Он сжал пальцами кончик носа.

– Справедливое замечание. Я пока не знаю, чего хочу от тебя. Слушайте, все остальные свободны, – обратился он к Арлетте и Янине.

– Можно мы останемся и подождем? – сказала Янина. – Мы приехали сюда втроем на такси.

– Как вам угодно, мне все равно. – Макс снова направил взгляд на Сабу. – Просто вам, возможно, придется долго ждать. Мне надо выяснить чего я могу ожидать от этой исполнительницы.

У Сабы тревожно забилося сердце. Блондин сидел в конце зала, вытянув ноги, и был похож на футбольного болельщика, пришедшего на матч.

Музыкантов тоже отпустили, на сцене остался лишь пианист Стэнли Маар, унылый человечек с желтыми от курева пальцами. Он закурил очередную сигарету и оставил ее, дымящуюся, в пепельнице на фортепиано.

– Чего изволите? – спросил он.

– Пока не знаю. – Бэгли скрылся за собственной дымовой завесой и размышлял.

Саба заметила неприятный холодок возбуждения, пробежавший по кинотеатру; из-за кулис на нее смотрели глаза коллег. Она попала под пресс, и это их радовало.

– Давай для начала «Странный фрукт»⁵², – сказал, наконец, Бэгли. – Знаешь эту песню?

– Да, знаю. Там на другой стороне «Хороший и нежный»⁵³. – Когда в продаже появилась эта пластинка, Саба крутила ее до бесконечности, а потом пела эти песни, держа возле губ вместо микрофона перевернутую молочную бутылку. Тан хохотала до слез и говорила, что ее внучка – вылитая Билли Холидей.

– О'кей. Тогда поехали, – тихо сказал Макс. – Начни в ре, Стэн.

Стэнли легонько пробежал пальцами по клавишам. Если его и удивил странный выбор шефа – ведь в этой мрачной песне говорилось о суде Линча, о повешенном на дереве негре, о смерти, – то он не показал этого. Саба закрыла глаза, радуясь, что Макс выбрал знакомую ей вещь, и хотела продемонстрировать все, на что способна.

Она вложила в песню всю душу и, когда допела, услышала искренние аплодисменты.

– Эта песня сотрет улыбку с лиц, – громко заметил Вилли. – А я думал, что мы должны развлекать публику.

Макс ничего не ответил. Он надел темные очки, и было трудно понять, что он думал.

– В программе этой песни не будет. – Он слышал замечание Вилли. – Я ишу... – Он тяжело вздохнул. – Впрочем, неважно. Следующая песня – как насчет «Над радугой»?⁵⁴ Но не так, как поет ее Джуди.

– Я пою ее не так, как Джуди. Я пою ее так, как я! – возразила Саба. Макс начинал ее сердить.

Она была уже на середине песни и наслаждалась звуками собственного голоса, печальными, взмывавшими ввысь, к небу, когда Макс выставил руку.

– Стоп! Стоп! Стоп!

Он снял темные очки и холодно посмотрел на нее.

– Так пели раньше. Позволь мне объяснить, чего я жду от тебя, но пока не получаю. – Он слегка задумался. – Ты знакома с таким течением в поэзии... ну, пожалуй, с Кольриджем⁵⁵... где говорится о том, как «я вижу, но не чувствую» красоту звезд. Мне нужно, чтобы ты чувствовала больше, а пела об этом меньше. Не надо петь так, как в опере.

– Но ведь я действительно чувствую. – Его слова задели ее за живое. Ей ведь хотелось продемонстрировать всем свои вокальные возможности, а не получать публичную выволочку.

– Ладно, тогда я сформулирую это по-другому, – проговорил он мягко и внятно. – На мой вкус, ты поешь чересчур жизнерадостно, ты щебечешь. – Саба увидела, что Янина прикрыла глаза и согласно качала головой, и ей захотелось врезать изо всех сил по ее лицемерной роже. – Ты попробуй чувствовать по максимуму, а потом немного отступай назад.

Саба уже раскрыла рот, чтобы запеть снова, но он взглянул на часы.

– Проклятье, время вышло – завтра продолжим.

Когда все собрались уходить, Бэгли повернулся к Сабе и проговорил без улыбки, серьезно:

– Не беспокойся, мы подыщем для тебя что-нибудь. – От его слов ей стало еще хуже. – Некоторые песни, – продолжал он, – обладают естественной ритмикой, более подходящей для молодых девушек. Тебе будет легче расставлять в них акценты.

Как будто она ничего не смыслила в пении.

⁵² «*Strange Fruit*»

⁵³ «*Fine and Mellow*»

⁵⁴ «*Over the Rainbow*»

⁵⁵ Сэмюэл Тэйлор Кольридж (1772–1834) – английский поэт-романтик, критик и философ, выдающийся представитель «озерной школы».

Она безмолвно и жалобно смотрела на него, мечтая лишь об одном – чтобы он замолчал. Блондин с радио куда-то поспешно исчез. Вероятно, понял, что ей не до него. Ужасный, ужасный день...

Когда Саба вышла на улицу, ее ослепил солнечный свет. Мимо ехал армейский грузовик с солдатами. Раздался бешеный свист, словно в небо взлетела стая обезумевших птиц.

– Ты явно произвела на них впечатление. На меня тоже, – раздался за ее спиной негромкий голос. Дермот Клив ускорил шаг и поравнялся с ней. – Между прочим, – добавил он, – мне понравилось, как ты поешь.

– Спасибо, – недоверчиво буркнула она. Знай она его лучше, она бы объяснила, что вовсе не возражает против критики режиссера – ну, не очень возражает. Ей нравятся умные люди. Нравится преодолевать трудности. Только обидно, что все это происходило под усмешки ее коллег, особенно Янины.

– Ты не соблазнишься на порцию мороженого у «Гроппи»? – предложил Клив. – Это недалеко отсюда.

Она отказалась, объяснив, что слишком разгорячена и что, кажется, вот-вот состоится примерка костюмов.

– Что ж, тогда хотя бы возьми мою визитную карточку. – Он извлек из элегантной серебряной коробочки карточку и положил на ладонь Сабы. – До встречи. – Он приподнял шляпу и, к облегчению Сабы, скрылся в толпе.

Глава 9

В ту ночь Сабе не спалось. В ее душе все еще бурлило разочарование, и она написала письмо тому, кто в прежние годы мог избавить ее от всех горестей.

«Дорогой баба,

возможно, ты уже знаешь от мамы, что я приехала в Каир и что у меня все в порядке. Но мне хотелось сообщить тебе об этом самой. С работой у меня тоже все нормально. Все ко мне добры, мы заботимся друг о друге. Скоро мы отправимся в турне, и я надеюсь, что когда-нибудь ты сможешь мной гордиться. Мне можно написать на адрес п/я НААФИ. Я очень хочу получить от тебя письмо, но, возможно, тебе пока еще трудно меня простить.

Люблю тебя, твоя Саба».

Потом, после некоторых дебатов с внутренним цензором, она написала письмо Дому – высокопарное, оправдывающееся. В нем она выражала сожаление, что неожиданно сбежала в тот вечер, но у нее было много дел, а он встретился с подружкой. В тот вечер она тоже случайно встретила своего друга. Между прочим, сейчас она в Каире. В заключение она выразила надежду, что у него все в порядке и он уже получил назначение, которого добивался.

Конечно, с ее стороны было глупо и по-детски наивно приплести воображаемого друга, но в тот вечер она и вправду была удивлена и разочарована. Ведь ей казалось, что Дом был рад встрече с ней, да и сам вечер обещал закончиться чем-то чудесным, и вдруг... Впрочем, теперь это уже не имело значения.

Разговор с Арлеттой на эту тему – Саба завела речь как бы невзначай – тоже не принес ничего утешительного. Все эти молодые легчики одним миром мазаны, заявила Арлетта; они незрелые, самонадеянные молокососы – считают себя бесценным подарком для женщин.

Через пару недель она подошла к окошку НААФИ.

– Для меня точно ничего нет? – спросила она у солдата. Тот дважды порылся в большом синем мешке. – Я давно к вам не заходила.

– Точно нет, милая. – На усталом лице солдата она увидела сочувствие. – Недавно мы потеряли несколько почтовых самолетов. К тому же мы на Востоке, где вообще мало порядка.

Арлетте он вручил два письма с надписями СВАЛК⁵⁶ и И.Т.А.Л.И.⁵⁷, сделанными размашистыми лиловыми буквами. Янина получила две аэрограммы – она выхватила их из рук солдата и поспешно удалилась, словно собака с костью.

Они подошли к столику возле окна, на котором висели поношенные ротанговые жалюзи. Термометр, привязанный к пыльной пальме, показывал 41 °С. Арлетта налила себе лимонада, вскрыла первое письмо и прочла его со стонами и оханьем. Одновременно с этим она хлопала Сабу по руке и уговаривала ее не огорчаться – со следующим почтовым самолетом она непременно получит целую охапку писем.

Но Саба ужасно расстроилась. Ее все бросили, ясное дело. Дом тоже ей не ответил, да и глупо было с ее стороны вообще писать ему.

Ни от мамы, ни от отца тоже никаких писем. По спине Сабы ползли струйки пота. Репетиции немного помогли ей унять тоску по дому, но мысли о семье всегда жили в ее сознании, хоть и приглушенно. Что, если теперь все домашние ее ненавидят? Может, отец

⁵⁶ Sealed With A Loving Kiss, или (сокр.) SWALK (СВАЛК), – Запечатано поцелуем любви (англ.).

⁵⁷ I Trust And Love You, или (сокр.) I.T.A.L.Y. (И.Т.А.Л.И.), – Я верю и люблю тебя (англ.).

просто рвет ее письма. Ведь он заявил тогда, что не желает ее видеть. Что, если ее больше не пустят в родной дом?

Услышав ее вздох, Арлетта нахмурилась и крепко сжала ее руку.

– Ты слишком много фантазируешь, дорогая моя. Вот о чем ты сейчас думаешь?

– Что я свихнусь, если мы в скором времени не отправимся в поездку, – без колебаний ответила Саба. – Честное слово.

Когда они уедут из Каира и начнут давать концерты в госпиталях и военных лагерях, станет легче. Это прогонит ее страх, который сейчас прилип к ней, словно вторая кожа. Глупо сидеть здесь и бездельничать. Зачем тогда они вообще сюда прилетели?

Возвращаясь на квартиру, они наткнулись на Фернеса. Капитан шел к своему офису, опустив голову и размахивая рукой.

– Так-так, замечательно, – сказал он при виде них. – Я как раз искал вас. – Он порылся в портфеле, что-то бормоча про приглашение на прием, который состоится следующим вечером в отеле «Мена-Хаус». – Если, конечно, его не отменят, – добавил он. – Сейчас военная обстановка меняется с каждым днем.

– Она что, ухудшается? – спросила Янина.

– Мы сообщим вам об этом, если будет необходимость, – отрезал Фернес. – А пока вам надо подготовиться к завтрашнему вечеру – такие мероприятия играют тут важную роль.

– Я уже почти ненавижу этого высокомерного карлика, – заявила Арлетта, глядя ему в спину. – Он ничего не говорит: когда мы поедем в турне, какова обстановка на фронте. А теперь сообщил нам о приеме так, словно это очередная китайская пытка! Между прочим, отель «Мена-Хаус» божественно красив, вы сами увидите. В общем, поднять все паруса!

На языке Арлетты эти слова означали шикарное платье, полный макияж, духи «Шалимар» – с ног до головы и походку как у модели на подиуме.

– Не переживайте, подруги, – добавила она. – Наслаждайтесь жизнью, пока есть возможность. Скоро мы уедем в пустыню и будем вздыхать, вспоминая эти дни.

На следующее утро они обнаружили под дверью квартиры письмо от Макса Бэгли. В нем говорилось, что им нужно поехать на улицу Шария Мааруф в отдел реквизита и гардероба и выбрать платья для вечера. Им надо выглядеть как можно гламурнее.

– Для нас это сказочный шанс. – Арлетта выхватила письмо из рук Сабы. – Я знаю человека, который решает участь всех талантов в «Мене». Это Зафер Озан! Он абсолютно замечательный и очень-очень богатый. Ты можешь не беспокоиться за свое будущее, если он обратит на тебя внимание.

– Откуда ты его знаешь? – Янина подозрительно сощурилась.

– У нас был бурный роман, – ответила Арлетта, не упуская случая подразнить Янину. – Он был божественно щедрым. От него пахло сандалом. Мы ездили в пустыню, в его шатер. Как-то он подарил мне бриллиантовое кольцо за миллион фунтов, – добавила она, обращаясь к Сабе.

– Ох, не слушай ее. – Янина устало прикрыла веки. – Она просто шутит, вот и все.

Мадам Элоиза, строгая и элегантная особа лет сорока, встретила их в дверях отдела реквизита, расположенного в трех кварталах от Нила в подслеповатом и ветхом строении. Когда-то она была манекенщицей у Жана Пату⁵⁸, знаменитого парижского модельера.

⁵⁸ Жан Пату (1880–1936) – один из самых ярких, выдающихся дизайнеров современности, также являющийся основателем одноименной парфюмерной линии. В 1912 году открыл свой Дом моды, а в 1914-м – представил общественности свою первую коллекцию одежды. В 20-е годы XX века изобрел одежду, благодаря которой его имя вошло в историю моды: плиссированная юбка для тенниса, свитер в сине-белую полоску, трикотажный купальник и кардиган.

Ее внушительный рост и скульптурное совершенство шиньона поначалу казались пугающими, но потом ее лицо озарила теплая улыбка. Мадам Элоиза провела девушек через комнату, где стояли ряды вешалок с одеждой, а по стенам тянулись аккуратные полки с париками и коробками.

– Ах, как приятно, – сказала она. – Три красивые девушки. Мне надо подумать.

В дальнем конце комнаты она остановилась возле большого, в пол, зеркала и впала в легкий транс.

– Платья. – Она постукивала пальцем по зубам и бесстрастно глядела на артисток. Доска рядом с ней была заполнена таинственными записями: «Десять париков, Тобрук, свернутый задник и переносной генератор Исмаилия. Десять таитянских юбок, номер 32. «На цыпочках», пять розовых шляп».

Саба стояла в душной комнате, и ее билa легкая дрожь. Она слушала рокот пролетающего самолета, смотрела, как сливаются и отделяются в зеркалах три их отражения цвета хаки и думала о том, что волею судьбы попала в безумный-безумный мир. Три девушки ищут красивые платья, в то время как в Каир, по слухам, вот-вот войдут танки Роммеля или город разбомбит до руин немецкая авиация. Фернес уже обещал, что они скоро уедут из этого города с его неоновыми огнями, ночными клубами и дорогими магазинами. Их вынут из сказочного города и забросят в пустыню, словно конфетки в яркой обертке.

– Вот ты. – Мадам обратила свой взор на Сабу и снова постучала яркими ногтями по зубам. – Темные волосы, оливковая кожа, – бормотала она. – Держи! – Она метнулась к вешалкам, сняла белый чехол для одежды. – Фантастическое платье, сшито из божественной ткани. Я скопировала старый дизайн от Эльзы Скиапарелли, и это... – Она скромно потупилась. – Ну, увидишь сама.

Она извлекла платье на свет.

– О-ох! – Они ахнули, будто дети. В струях воздуха, которые текли от вентилятора, ткань затрепетала точно бабочка; лиф был расшит серебряными нитями, такими тонкими, что они походили на паутинку... Тут рокот самолета усилился до невыносимого грохота, и все поморщились.

– Нечестно, это нечестно. – Арлетта в шутку толкнула Сабу. – Я хочу надеть это платье. По старшинству.

– Его брали в турне «Шехерезады». – Мадам приложила платье к Сабе. – Я сшила его из шали, принадлежавшей дочери магараджи. Между прочим, в лифе чистое серебро. Какая у тебя талия?

– Двадцать четыре дюйма⁵⁹.

– Превосходно, надень. Только сначала вымой, пожалуйста, руки. – Она ткнула пальцем в угол комнаты, на таз и кусок мыла.

Саба стянула с себя пропылившуюся форму, оторвав от потной спины блузку. Из окна веял легкий ветерок с запахом бензина.

– Так. – Мадам побрызгала ее духами из флакона с кисточкой. Потом над головой Сабы зашелестело платье. – Встань сюда, перед зеркалом. Держи. – Мадам застегнула на ее талии нежный серебряный пояс. – Опустит волосы. – Она заправила волосы Сабы за уши.

– Теперь смотри. – Она порылась в комоде, достала маленькую бриллиантовую брошь и приколотла ее на лиф платья. – Больше никаких украшений, – приказала она. – Волосы волной, брошь и платье – *ça suffit*⁶⁰.

⁵⁹ Приблизительно 70 см.

⁶⁰ Достаточно (*фр.*).

– Боже мой. – Широкий солнечный луч упал на Сабу, и она замерла, пораженная. Платье волшебным образом превратило ее в сказочную принцессу; на ее глаза навернулись слезы – она представила себе, что рядом с ней стояла мама, такая поклонница роскоши.

Но потом ей на ум пришла другая мама, недобро прищуренная, с сигаретой в зубах. Однажды они страшно поскандалили, когда Саба отказалась надеть жуткое платье, которое мать сшила на машинке. Сколько тогда было криков и ругани! Саба оглушительно хлопнула дверью, взбежала к себе и бросилась на постель, а мама с сарказмом кричала ей снизу: «Ох, какая капризная! Ничем ей не угодишь! Ничем!»

Постепенно Сабе стало ясно, что некоторые платья, сшитые матерью, не соответствовали тем стандартам, которые неуклонно повышались в последние годы. Так, у ее любимого красного платья в горошек, задуманного с таким апломбом, был неровный подол и наспех обшита горловина. Хочешь – не хочешь, а все меняется. Как менялась мама в зависимости от того, был отец рядом или нет.

– Неужели я могу это надеть? – спросила она у мадам Элоизы.

– Конечно. Но если ты испортишь платье, придется его оплатить. – Они разговаривали, глядя друг на друга в зеркало, и было трудно понять, шутка это или нет. – Сколько тебе сейчас платят?

– Десять фунтов в неделю! – Сабе до сих пор не верилось в такую удачу. – Четыре фунта за хор, стандартная плата для всех артистов. А вам? – не удержалась она. – Если честно?

– Тебя это не касается. – Мадам сделала жест гейши, прячущейся за веером. – Недостаточно для того, чтобы остаться здесь, если война слишком разгорится, а я слышала... Ой, неважно. – Она шутливо шлепнула себя по лицу. – Перейдем к делу. Арлетта, теперь твоя очередь. Выбери себе платье.

Арлетта уже разделась и стояла в нижнем белье персикового цвета, расчесывая волосы и наслаждаясь игрой света в золотых прядях. Когда мадам спросила, выбирала ли когда-либо Арлетта свой цвет, она ответила, небрежно пожав плечами, что пару раз это был цвет таитянского заката от Коти, но в остальном ей все равно.

Мадам сказала, что они просто роскошные девушки, и перешла на доверительный тон. У нее есть еще ателье по пошиву мужской военной формы; мужчины такие же капризные, как и женщины, – уж как они привередничают при примерке брюк или когда надо правильно разместить «яичницу» (кокарду) на плече старшего офицера. Она предложила им кофе с куском халвы и предупредила, чтобы они вели себя осторожнее с местными мужчинами. Они жадные до секса, хуже диких зверей. Она не станет сейчас пересказывать истории, которые слышала. Потом она пообещала сводить их на каирский базар, когда они вернутся из турне, и показать, где продаются лучшие шелка. А еще поинтересовалась, есть ли у них здесь бойфренды.

– Нас уже предупредили, чтобы мы не ходили в туземные кварталы, – перебила ее Янина. Она задумчиво сидела у окна, сложив руки на коленях.

– Ах, как скучно! – воскликнула мадам. – Непременно сходите туда, не пожалеете! Там много интересного. В Британии гораздо опаснее ходить мимо рабочих бараков. Вообще, мне нравятся египтяне, они такие занятные, такие умные – это я серьезно говорю, поверьте! Они создали пирамиды, замечательное искусство, первый телескоп, а мы смотрим на них как на... – она скривила уголки губ в шутливом неодобрении и махнула рукой, – как на цыган или папуасов. Как глупо!

– Хм-м. – Янину не убедили ее слова.

– Итак, – обратилась мадам к Арлетте, – для тебя я нашла нечто сенсационное. – Она вернулась с перекинутым через руку платьем, покрытым цехинами старинного золота.

– Ох, динь-динь! – воскликнула Арлетта, мигом надела его и взглянула на себя в зеркало. Чмокнула в щеку мадам и объявила, что чувствует себя русалкой. Кто бы мог подумать,

что ей надо было приехать в Каир, чтобы найти приличное платье. И добавила с заискивающей улыбкой: – Можно я возьму его с собой в турне? Я буду его беречь.

Саба знала, что это неправда. Арлетта по вечерам стягивала с себя одежду и, к неодобрению Янины, так и оставляла ее на полу. Янина не раз возмущалась, почему Арлетта не может потратить лишние пять минут и повесить платье на вешалку.

Янина получила бледно-зеленое шифоновое платье и серебряные туфли, а вдобавок длинную нитку искусственного жемчуга, которую мадам завязала на ее груди элегантным узлом.

– Вуаля. – Она выстроила девушек перед зеркалом. – Дайте-ка взглянуть на вас, красавицы. – Она переколола брошку Сабы, изменив ее угол наклона. – Да, вот еще что. – Она метнулась к бархатной подушечке и вытащила из нее три шляпные булавки. – Вот, положите в ваши сумочки, на всякий случай.

– На какой такой случай? – не поняла Саба.

– На случай нападения, конечно, – ответила мадам. – Я уже вам говорила, что тут мужчины живут далеко от дома, а некоторые из них очень возбудимые и агрессивные. Не думаю, что нарочно, – поспешно сказала она, услышав испуганный возглас Янины. – Просто тут, особенно в пустыне, они страдают от одиночества, от которого их может спасти только женщина. Все просто, и нельзя их за это осуждать.

У тебя такой испуганный вид, дорогая. – Она легонько похлопала Янину по руке. – Но ведь ты танцовщица и должна знать такие вещи. Некоторые профессии особенно сильно возбуждают мужчин.

Кстати, – спокойно обратилась она к Сабе, когда Янина скрылась за занавеской, – у входа тебя ждет такси. Смотри, опоздаешь.

– Такси? Для меня одной? – удивилась Саба.

– Для тебя, – ответила мадам. – Распоряжение поступило из штаб-квартиры ЭНСА, так что все в порядке – ступай.

Глава 10

Саба села в такси возле отдела реквизитов и поехала в студию звукозаписи Британских Вооруженных Сил. Но потом, к ее недоумению, машина свернула с шоссе Шария Порт-Саид, запрыгала по неопишимо разбитой улице и остановилась возле серых домов, где на натянутых между окнами веревках сушилось белье. Таксист протянул ей записку, напечатанную на машинке: «Поднимись на третий этаж; тебя заберут через час».

Она шагнула в древний, скрипучий лифт и нервно покосилась на грязный потолочный светильник, полный песка и дохлых мух, на свое волнистое отражение в зеркале. Все это мало походило на студию звукозаписи.

На площадке третьего этажа стоял Дермот Клив. Он открыл сетчатую дверь лифта.

– Прелестно, – он подал ей руку, – какой подарок. Любезно, что ты приехала. – На этот раз он был в элегантном тропическом костюме и пятнистом галстуке-бабочке. Тонкие светлые волосы падали на глаза, а широкая, искренняя улыбка придавала ему сходство с непоседливым школьником.

Они прошли в маленькую, полутемную квартиру, где витал легкий запах шамбалы – эту специю она знала от Тан; бабушка любила добавлять ее в блюда, так пахла вся ее одежда.

– Надеюсь, вы не возражаете против того, что мы встречаемся здесь, а не в студии, – тут проще говорить, – сказал он.

Она успокоилась и присела на краешек дивана, на котором лежали пластинки и ноты. Неопрятная комната с полками, заваленными книгами и бобинами, с бутылками джина «Гордон», с граммофоном показалась ей знакомой и даже уютной.

Дверной проем в конце комнаты вел в маленькую кухню. Дермот готовил там чай на газовой горелке и непринужденно болтал, словно они были давние друзья. Он сказал, что пьет слишком много чая и что тут можно купить восхитительные смеси, если знаешь, где искать. Потом перешел к приготовлению пищи. Его слуга, Бадр, убирал квартиру и выполнял разные поручения, но вечно спорил с ним, так как хотел готовить на свой лад. Но это ничего, хуже нет, когда перед тобой пресмыкаются. Да и проще готовить самому, особенно во время работы.

К чаю он принес тарелку восхитительного печенья.

– Обязательно попробуй вот это, – посоветовал он. – От «Гроппи». Они выходцы из Швейцарии. У них самые вкусные штрудели и миндальное печенье, какие мне приходилось есть, – абсолютно божественные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.